

ЧТЕНІА О СВАТОЙ ЗЕМЛѢ

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО
ОБЩЕСТВА.

XXXVI

Лит. Э. И. Маркусъ, С. П. Б.

ОТЪ С. П. Б. ДУХ. ЦЕНЗ. КОМИТЕТА ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛ С. П. Б. 13 АВГ. 1896 Г. ЦЕНЗОРЪ АРХИМАНДРИТЪ МЕВОДИЙ.

ИЗДАНИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества.

Чтенія о Святой Землѣ:

	Коп.
1-й вып. Описаніе Святой Земли. Общее понятіе о Св. Землѣ. Протоіерея Н. А. Елеонскаго.	15
2-й » Описаніе Святой Земли. Горы Святой Земли (I). Его же	15
3-й » Описаніе Святой Земли. Горы Святой Земли (II). Его же	15
4-й » Описаніе Святой Земли. Равнины Святой Земли. Его же	15
5-й » Описаніе Святой Земли. Долины и пустыни Святой Земли. Его же.	15
6-й » Описаніе Святой Земли. Озера Святой Земли. Его же	15
7-й » Описаніе Святой Земли. Рѣки и ручьи Святой Земли. Его же	15
8-й » Описаніе Святой Земли. Источники и пруды Святой Земли. Его же.	15
31-й » Судьбы Іерусалима и Русскіе паломники. Протоіерея П. Смирнова	15
32-й » Протестанты въ Святой Землѣ. Д. С. Дмитревскаго.	15
33-й » Латиняне въ Святой Землѣ. Его же	15
34-й » Инославные въ Святой Землѣ. А. П. Левочскаго	15
35-й » Императорское Православное Палестинское Общество. П. В. Малиновскаго	15
36-й » Древне-русское паломничество (I) А. Н. Пышина.	15
37-й » Древне-русское паломничество (II) Его-же.	15
38-й » Русскіе паломники Святой Земли. Путь до Іеруса- лима. В. Н. Хитрово.	15
39-й » Русскіе паломники Святой Земли. Іерусалимъ и его ближайшія окрестности (I). Его-же.	15

(См. 3 стр. обл.).

ДРЕВНЕ-РУССКОЕ
ПЯДОМНИЧЕСТВО

А. Н. ПЫПИНА

36-е чтеніе

(I)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ

1896

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Спб. 10 Января 1897. г.

Цензоръ, Протоіерей *А. Автономовъ.*

ДРЕВНЕ-РУССКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Какъ вообще письменность древней Руси возникла подъ первыми вліяніями христіанскаго просвѣщенія, такъ изъ тѣхъ же религіозныхъ побужденій произонли первые опыты литературы путешествій. Двѣнадцатый вѣкъ представляетъ особенно богатое проявленіе литературныхъ интересовъ—въ церковномъ учительствѣ, въ лѣтописи, въ поэмѣ; тому же вѣку принадлежитъ первое и знаменитѣйшее произведеніе древняго русскаго паломничества: хожденіе игумена Данила. Какъ Начальная или Несторова Лѣтопись осталась до самыхъ временъ Петра основаніемъ стараго лѣтописанія, такъ хожденіе Данила было знаменитѣйшимъ произведеніемъ старой паломнической литературы и ходило въ рукописяхъ не только въ теченіе всего древняго періода, но до самаго XIX столѣтія: это было не только назидательное чтеніе, но, видимо, и путеводитель для тѣхъ, кто предпринималъ потомъ странствованіе къ Святымъ Мѣстамъ.

Начало нашего паломничества восходитъ, вѣроятно, къ самому первому періоду русскаго христіанства. Побужденія къ нему были понятны: въ умахъ людей, которые проникались истинами новообрѣтенной вѣры, страна, гдѣ

совершались божественныя дѣянія Спасителя, должна была стать предметомъ величайшаго благочестиваго интереса, и этотъ интересъ преодолевалъ всѣ трудности путешествія, которыя, кромѣ великой отдаленности Святыхъ Мѣстъ, умножались еще тревожнымъ политическимъ состояніемъ страны, гдѣ сначала шла борьба крестоносцевъ и сарацинъ, а затѣмъ началось турецкое владычество: за исключеніемъ недолгаго и непрочнаго существованія Іерусалимскаго королевства въ рукахъ крестоносцевъ (1099—1188 г.), драгоценнѣйшія святыни христіанскаго міра находились въ рукахъ невѣрныхъ. Въ такихъ условіяхъ, паломничество становилось не только труднымъ странствіемъ, но и подвигомъ. Первый русскій паломникъ, рассказавшій свое хожденіе, странствовалъ въ то время, когда Іерусалимъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ, но и тогда посѣщеніе Святыхъ Мѣстъ не было безопасно; въ послѣдствіи оно стало еще несравненно труднѣе.

Знаменитый игумень Даниилъ, первоначальникъ древнерусскаго паломничества, былъ впрочемъ только первымъ паломникомъ, описавшимъ свое странствіе. Самыя хожденія начались гораздо раньше—какъ одинъ изъ признаковъ укрѣпленія христіанскаго вѣроученія, съ которымъ возникалъ и религіозный энтузіазмъ. Историческія свидѣтельства говорятъ, что знаменитый основатель Кіево-Печерской обители, преподобный Антоній, съ юныхъ лѣтъ исполненный страха Божія, по внушенію свыше, совершилъ хожденіе на Аѳонъ, славный на всемъ Востокѣ святою жизнію своихъ отшельниковъ: здѣсь онъ принялъ постри-

женіе и началъ свое пустынножителство, когда постригшій его аѳонскій игумень сказалъ ему, чтобы онъ шелъ опять на Русь, гдѣ съ благословенія Св. горы произойдутъ отъ него многіе черноризцы. Это хожденіе Антонія на Аѳонъ совершилось еще въ первой половинѣ XI вѣка. Преп. Ѳеодосій Печерскій въ своей юности, слыша о мѣстахъ, гдѣ Христосъ совершилъ наше спасеніе, воспламенился ревностію видѣть эти мѣста и поклониться имъ: его намѣреніе не могло исполниться; но такое странствіе въ Палестину совершилъ его современникъ Варлаамъ, первый игумень Печерской обители, поставленный Антоніемъ, а потомъ игумень Дмитріевскаго монастыря (въ 1062). Легендаразсказываетъ объ архіепископѣ новгородскомъ Іоаннѣ (ум. 1185), что онъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ въ одну ночь на бѣсѣ, котораго покорилъ крестнымъ знаменіемъ ¹. Архіепископъ новгородскій Антоній въ описаніи своего хожденія въ Царьградъ, упоминаетъ о замѣчательномъ русскомъ паломникѣ, который умеръ и погребенъ былъ въ Царьградѣ: «на уболѣ святаго Георгія святой Леонтей попь, русинъ, лежитъ въ тѣлѣ, великъ человекъ, той бо Леонтій трижды въ Іеросалимъ пѣнь ходилъ» ².

Эти странники давно уже получили у насъ названіе паломниковъ, какъ думаютъ, въ связи съ западнымъ ихъ

¹ Въ лѣтописи говорится о поставленіи архіепископа Сергія послѣ покоренія Новгорода въ 1484: «Новгородци не хотяху покоритися ему, отняша у него умъ волшебствомъ; глаголаша: Іоаннъ чудотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ сотвори ему». Полн. Собр. Лѣт. VI, стр. 236.

² Изд. Саввантова, стр. 142.

именемъ: *palmarii*, *palmati*, *palnigeri*, какъ ихъ называли потому, что они возвращались изъ Іерусалима съ пальмовыми вѣтвями въ знакъ и въ память пребыванія въ Святыхъ Мѣстахъ. Быть можетъ, столь же древне названіе пилигримъ, отъ латинскаго *peregrinus*, вошедшаго и въ западные языки, столь извѣстное въ былинахъ, — и названіе каликъ, вѣроятно отъ греческой обуви калига, которая была извѣстна въ старомъ рускомъ языкѣ и независимо отъ этого примѣненія ³.

Повидимому уже искони особое благочестіе, одушевлявшее паломниковъ, и трудность самаго предиріятія внушали большое уваженіе къ этимъ странникамъ. Они поставлялись въ число «церковныхъ людей», находившихся въ спеціальному вѣдѣніи церкви. Въ уставѣ, приписываемомъ князю Владиміру, читаемъ: «а се церковныѣ люди... паломникъ, лѣчець, прощеникъ, задушный чловѣкъ, стороникъ (странникъ) .... монастыреве» (также: «калика») и пр. Подобнымъ образомъ паломникъ поставленъ въ ряду церковныхъ людей въ уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода (1127—1132 г.). Въ Лаврентьевской лѣтописи разсказывается, подъ 1283 годомъ, объ одномъ татарскомъ нашествіи: въ числѣ захваченныхъ

³ Игуменъ Даніилъ разсказываетъ, какъ ключарь пустилъ его ко гробу Господню: «онъ же отверзе ми двери святыя и повелѣ ми *выступити изъ калиговъ* и тако босого введе мя единого въ святыи гробъ Господень», стр. 128—129 изд. Вeneвигинова. Ср.: калига и калика въ Матер. для словаря древне-рус. языка Срезневскаго; къ цитатамъ можно прибавить Памятники древне-рус. каноническаго права (Р. Историч. Библіотека, изд. Археограф. Комм., т. VI. Спб. 1880, стр. 866).

людей были паломники; Ахмать избилъ бояръ «и повелѣ паломници тѣ пустити, а порты (одежду) повелѣ даяти паломникомъ избитыхъ бояръ, река имъ: вы есте гости, а паломници, ходите по землямъ, тако молвите: хто иметь держати споръ съ своимъ баскакомъ, тако ему будетъ»⁴.

Какъ показываетъ извѣстное «выпрашаніе» Кирика, Савы и Ильи къ новгородскому архіепископу Нифонту (1130—1156 г.), страсть къ паломничеству въ то время распространилась уже до такой степени, что церковныя власти считали нужнымъ воздерживать не въ мѣру ревностныхъ странниковъ: одни думали, что только паломничество можетъ привести къ настоящему душевному спасенію (далѣе увидимъ, что игумень Данииль опровергалъ уже подобное суевѣріе), другіе искали только повода къ праздности. А иже се рѣхъ, пишетъ Кирикъ, идутъ въ сторону въ Іерусалимъ къ святымъ, а другимъ азъ бороню, не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ?—Велми, рече, добро твориши: да того дѣля идетъ, абы порозну ходяче ясти и пити; а то иѣо зло, борони, рече. Илья спрашивалъ: Ходили бяху ротѣ, хотяче въ Іерусалимъ.—Повелѣ ми опитемью дати: та бо, рече, рота губить землю сію. Самъ Нифонтъ, если не бывалъ паломникомъ, то является близко знакомымъ съ церковными греческими обычаями и паломническими легендами. Ки-

⁴ Полн. Собр. Лѣтописей I, стр. 206. О старыхъ паломникахъ см. также Срезневскаго: Русскіе калики древняго времени, въ «Запискахъ» Акад. Наукъ, т. I, кн. II. Спб. 1862.

рикъ между прочимъ дѣлаеть ему вопросъ: Прашахъ его: гдѣ есть крестъ честный? — Тако повѣдаютъ, рече, намъ: яко не дошедъ Царяграда, егда обрѣтенъ, възнеслся на небеса; тако зовуть мѣсто то «Божіе Вознесеніе», а на земли осталось подножіе⁵.

Надо думать, что уже въ это отдаленное время, когда такъ широко, даже чрезмѣрно, распространялось паломничество, сложился опредѣленный типъ «перехожаго калики», который ходилъ въ Царьградъ, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, потомъ странствовалъ по отечественнымъ святынямъ и наконецъ дѣлалъ это настоящей профессіей. Исторія сохранила мало подробностей объ этой чертѣ стараго быта, но едва ли не очень далекому времени принадлежатъ тѣ сорокъ каликъ со каликою, и старчище пилигримище, которыхъ изображаетъ былина. Едва ли сомнительно, что былина нѣсколько прикрасила изображеніе, когда сопоставляла каликъ съ самими богатырями; но во всякомъ случаѣ въ ея изображеніяхъ надо предполагать фактическую основу. За отсутствіемъ прямыхъ бытовыхъ свидѣтельствъ, намъ остались во-первыхъ повѣствованія паломниковъ, сохранившія отчасти и бытовыя подробности; во-вторыхъ, память этого церковно-народнаго движенія отразилась въ поэзіи былины и духовнаго стиха, и носителями послѣдняго были именно переходіе калики.

Если уже въ XII вѣкѣ мы видѣли осужденіе развивавшейся страсти къ паломничеству и если у самого Даниїла мы увидимъ косвенное неодобреніе, когда онъ осуж-

⁵ Памятники древн.-рус. кановическаго права, ст. 27, 32, 62.

даетъ тѣхъ, которые въ своихъ странствіяхъ «возносятся умомъ своимъ, какъ будто сотворивши нѣчто доброе, и теряютъ мзду своего труда», тогда какъ, оставаясь дома, можно лучше послужить Богу,—то надо думать, что уже въ то время паломничество сильно развилось и выработало самый обычай странствія.

Прежде всего этимъ обычаемъ стала, кажется, паломничья дружина, какъ и въ извѣстной былинѣ насчитано было сорокъ каликъ съ каликою, составлявшихъ цѣльное общество. Это вовсе не были только тѣ скромные, иногда убогіе люди, изъ какихъ состоятъ обыкновенно странники - богомольцы нашего времени; напротивъ, это бывали и люди богатые и сильные, которыхъ старая былина находила возможнымъ сравнивать и даже отождествлять съ богатырями. Припомнимъ, что каликою былъ и знаменитый новгородскій удалецъ, Василій Буслаевъ... Былина рассказываетъ намъ о нравахъ этой дружины. Сорокъ каликъ начали снаряжаться ко святому граду Іерусалиму изъ пустыни Ефимьевой, изъ монастыря Боголюбова. Прежде всего, ставши въ кругъ, они выбрали себѣ атамана, который положилъ имъ заповѣдь великую. Благочестивая цѣль странствія указана наглядно:

А идти намъ, братцы, дорога не ближняя,
Идти будетъ ко городу Іерусалиму;
Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися,—

идти имъ селами и деревнями, городами съ пригородками, и на пути, если кто украдетъ, солжетъ или сдѣлаетъ другой грѣхъ, того оставить въ чистомъ полѣ и по плечи закопать въ сырую землю. Такова была строгая дисциплина дружины. Но странники вовсе не отличались благочестивымъ смиреніемъ. Подходя къ Кіеву, они встрѣтили въ раменьѣ на охотѣ самого князя Владиміра:

Становилися (калики) во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Дай-ка намъ, каликамъ, милостыню,
Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
Беремъ-то мы цѣлыми тысячами.
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали:
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

Владиміру нечѣмъ было надѣлать каликъ и онъ послалъ ихъ въ Кіевъ, къ княгинѣ Апраксѣевнѣ. Здѣсь—

Среди двора княженецкаго
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Подсумочья рыта бархата.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.

Таковы калики въ представленіи былииъ. Сами богатыри князя Владиміра не стыдились являться въ видѣ каликѣ и даже какъ будто считали это почетомъ. Въ былинахъ объ Ильѣ каличнице Иваннице, въ былинахъ о Васильѣ Буслаевѣ Старчице-Пилигримнице являются настоящими богатырями; по старымъ представленіямъ, несомнѣнно отвѣчавшимъ въ извѣстной степени самой жизни, калика могъ носить богатырскія черты, потому что самъ бывалъ нѣкогда богатыремъ, — такимъ изображается напри- мѣръ Василій Буслаевичъ, который послѣ своихъ бурныхъ походовъ рѣшилъ отправиться ко Святымъ Мѣстамъ: «съ молоду бито много, граблено, подь старость надо душа спасти».

Паломничья дружина отличалась и своимъ внѣшнимъ видомъ: у нея былъ свой обязательный костюмъ, приспосо- бленный къ странствію. Скучные источники не дали и здѣсь прямыхъ свѣдѣній, и опять нѣкоторыя подробности можно извлечь только изъ сравнительно поздней былины. Сорокъ каликѣ одѣты были такъ:

Лапотяки на ножкахъ у нихъ были шелковые,
 Подеумочки шиты черна бархата,
 Въ рукахъ были клюки кости рыбаея,
 На головушкахъ были шляпки земли греческой,

Илья, собираясь на Идолница поганого, одѣвается ка- ликою:

Обуль Илья лапотки шелковые,
 Подеумокъ одѣль онъ черна бархата,
 На головушку надѣль шляпу земли греческой.
 Не взялъ съ собой палицы булатная, —

и потомъ взялъ клюку у каличища Иванища. Въ другомъ вариантѣ:

Оболокаетъ Илейко платье каликино,
Обуваетъ лапотки обтопочки,
Накладаетъ шляпу земле-грецкую,
Земле-грецкую шляпу сорокъ пять пудовъ.

Михайло Потокъ, переодѣваясь каликой,—
Обуль себѣ лапотки шелковинькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На голову—шляпу земли греческой.

Лапотки бывали не только шелковые; на одномъ каликѣ—

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная.

Или даже:

Шли лапотки изъ семи шелковъ,
У нихъ влетено въ лапотикахъ въ пяткѣ, носкѣ,
По ясному по камешку самоцвѣтному.

Прямое и постоянное упоминаніе о шляпѣ земли греческой или сорочинской; названіе каликѣ, происходящее, по всей вѣроятности, отъ слова калига; присутствіе слова пилигримъ въ самыхъ былинахъ (старчище-пилигримщице о богатырѣ каликѣ); слово паломникъ, — заставляютъ предполагать, что одѣяніе нашихъ паломниковъ сложилось подъ вліяніемъ общаго пилигримскаго

обычая греческаго и западнаго, съ которымъ наши паломники необходимо встрѣчались въ Греціи и Святой землѣ, въ тѣ вѣка принадлежавшей еще крестоносцамъ. Сравнивая нашу каличью круту, т.-е. одѣяніе, съ одѣяніемъ средневѣковыхъ западныхъ пилигримовъ, Срезневскій находилъ ихъ совершенно схожими,—лишь съ тою оговоркою, что былина, которая является здѣсь единственнымъ источникомъ относительно русскихъ каличь, могла утратить нѣкоторыя старыя черты и названія. Тамъ и здѣсь главные подробности костюма однѣ и тѣже. Между прочимъ упоминается еще одна принадлежность одѣянія въ рассказѣ о томъ старцѣ - пилигримѣ, который былъ учителемъ Василя Буслаева. Это былъ большой богатырь, и въ разныхъ вариантахъ былины его необыкновенное снаряженіе описывается такъ:

Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудовъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ;

Или:

Стоитъ тутъ старецъ пилигримище,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколь,
А вѣсомъ тотъ колоколь въ триста пудъ.

Василій Буслаевичъ былъ раздраженъ вмѣшательствомъ старца, который хотѣлъ воздержать его буйство:

Ударилъ онъ старца во колоколь
А и той-то осью телѣжною:
Качается старецъ, не шевельнется;
Заглянулъ онъ Василю старцу подъ колоколь,
А во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту.

Въ концѣ концовъ Василій разбилъ колоколъ на двѣ стороны (или: разсыпалъ колоколъ на ножевыя черенья) и убилъ старца.

Что же это былъ за колоколъ? Справедливо замѣчалъ Срезневскій, что въ былинахъ бываетъ путаница лицъ, событій, неумѣренная гипербола, но не бываетъ произвольной выдумки. Онъ затруднялся найти въ костюмѣ средневѣковыхъ пилигримовъ параллель для этого колокола. Ясно было только, что колоколъ представлялъ принадлежность одѣянiя калики. Позднѣйшіе переказы былины очевидно потеряли смыслъ этого слова, и мы напримѣръ читаемъ:

Идетъ крестовый батюшка старчище-пилигримище,
На буйной головѣ колоколъ пудовъ въ тысячу,
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ,—

такъ что часть одѣянiя превратилась въ настоящій колоколъ. Срезневскій предположилъ, что этотъ первоначальный колоколъ, превращенный позднее былиною въ колоколъ церковный ⁶, могъ быть опять повтореніемъ изъ западнаго пилигримскаго одѣянiя. Въ средніе вѣка было именно названіе дорожнаго платья: въ средневѣковой латинской формѣ *cloca*, у англичанъ *cloak*, у французовъ *cloche*, *closette*, въ средненѣмецкомъ *clossa*, *glossa*, *gloske*, въ старочешскомъ *klakol*, *klakolca*. Это былъ дорожный плащъ безъ разрѣза напередѣ, который

⁶ Нѣкоторымъ изслѣдователямъ былины казалось, что могъ здѣсь пониматься колоколъ вѣчевой, такъ какъ старецъ могъ быть поэтическимъ образомъ вѣча.

бывалъ, напимѣръ, обязательенъ для священниковъ во время путешествій ⁷.... Само собою разумѣется, что наши пилигримы могли обходиться и съ обыкновенной одеждой, которая могла представлять тѣ же удобства; прибавлялись только посохъ и сума, также вещи обыкновенныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что перенимались также греческія и западныя принадлежности паломничьяго одѣянія: греческая шляпа, западный плащъ, калги и т. п.

Новѣйшія изслѣдователи былины думаютъ, однако, что подъ колоколомъ могъ подразумѣваться и дѣйствительный колоколь—только въ качествѣ гиперболическаго выраженія богатырской силы ⁸.

Наконецъ, особую черту каликъ составила ихъ упомянутая роль въ распространеніи легенды. Уже изъ того, что мы увидимъ въ путешествіяхъ Даніила и Антонія, ясно, что калики въ этомъ отношеніи въ условіяхъ, особенно благопріятныхъ усвоенію византійской и палестинской, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и богомильской легенды. Въ то время, какъ дома новые христіане были въ этомъ случаѣ ограничены лишь немногими книжными источниками, передъ паломникомъ открывалась цѣлая

⁷ Срезневскій, Русскіе калги древняго времени, въ Запискахъ Академіи Наукъ, 1862, т. I, кн. II, стр. 186—210; Крута каличья. Кюка и сума, лапотки, шляпа и колоколь. Спб. 1862 (оттискъ изъ Извѣстій Русскаго Археолог. Общества, т. IV).

⁸ Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1895, стр. 377—379. Еще раньше другія соображенія сдѣланы были Веселовскимъ: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872, стр. 181—188.

обширная масса легендарныхъ сказаній, которыя онъ выслушивалъ при обзрѣніи самыхъ святынь: онъ могъ или самъ записать ихъ отдѣльными сказаніями, или найти объ этомъ готовыя тетрадки и въ переводѣ принести ихъ на родину; или могъ найти подобныя тетрадки въ готовой южно-славянской формѣ, — какъ это и бывало. Впослѣдствіи изъ каликъ, смѣшавшихся съ низшими странниками - калѣками, образовались профессиональные пѣвцы духовныхъ стиховъ, первое появленіе которыхъ должно, вѣроятно, восходить къ довольно далекому времени, хотя при данныхъ, имѣющихся теперь, время это опредѣлить трудно.

Когда именно странствовалъ въ Палестину игумень Даніиль, это вызывало различныя мнѣнія. Судя по упоминаніямъ Даніила о русскихъ князьяхъ и о князѣ Балдуинѣ, который правилъ тогда въ Іерусалимѣ и съ войскомъ котораго нашъ паломникъ сдѣлалъ одно изъ своихъ путешествій, дѣлали заключеніе, что его хожденіе произошло въ 1113 — 1115 годахъ; но вѣрнѣе другое соображеніе, которое точнѣе приурочиваетъ событія крестовыхъ войнъ и по которому путешествіе Даніила должно быть отнесено къ 1106 — 1108 годамъ. Объ его біографіи ничего неизвѣстно, только то обстоятельство, что Даніиль, говоря объ Іорданѣ, сравниваетъ его съ рѣкою Сновью⁹, какая отыскалась въ нынѣшней Чер-

⁹ «Всѣмъ же есть подобенъ Іорданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй, и ширѣ, и въ глубле, и лукаво течетъ и быстро велми, яко же Сновь

ниговской губерніи, побудило митр. Евгенія, а затѣмъ и другихъ изслѣдователей считать Данила уроженцемъ черниговскаго края; но это названіе рѣки встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, и гораздо болѣе можно заключать о южно-русскомъ происхожденіи Данила изъ того обстоятельства, что въ его разсказѣ, когда онъ вспоминаетъ о далекой родинѣ, названы одни южно-русскіе князья. Путешествіе Данила начинается и оканчивается Царьградомъ; поэтому думаютъ также, что оно предпринято было послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ византійской столицѣ: это весьма возможно, потому что кромѣ ближайшей зависимости русской церкви отъ царьградскаго патріарха, этотъ городъ представлялъ для благочестиваго странника множество поразительныхъ чудесъ и святынь. Впрочемъ вопросъ о происхожденіи Данила большой важности не имѣетъ: пребывая въ Святой Землѣ, игумень Данилъ постоянно чувствуетъ себя представителемъ всей русской земли: безъ какихъ-либо мѣстныхъ предпочтеній онъ приносить у гроба Господня молитвы о всей русской землѣ; онъ выпросилъ у князя Балдуина позволеніе поставить у гроба

рѣка. Вглубле же есть 4 сажень среди самое купѣли, яко же измѣрихъ и искусихъ самъ собою, ибо пребродихъ на ону страну Іордана, много походимомъ по берегу его; вширѣ же есть Іорданъ яко же есть *Сновь* на устїи... болоніе имать яко *Сновь рѣка*». И въ другомъ мѣстѣ: «Течеть же Іорданъ быстро и чисто водою, и лукаряво велми, и есть всѣмъ подобенъ *Сновь рѣцѣ*, въ ширѣ и въ глубину, и болоніемъ подобенъ есть Іорданъ *Сновь рѣцѣ*». Стр. 45—46, 90—100, по изданію Веневитинова: шесть разъ понадобилось Данилу назвать свою *Сновь*.

Господня свое «кандило» отъ всей русской земли ¹⁰; и затѣмъ онъ говоритъ, что Богъ тому свидѣтель и святой гробъ Господень, что во всѣхъ мѣстахъ святыхъ онъ не забылъ именъ князей русскихъ, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископовъ, игуменовъ и бояръ, и дѣтей своихъ духовныхъ и всѣхъ христіанъ, и имена князей русскихъ онъ записалъ въ лаврѣ у святаго Саввы, «сколько упомянулъ ихъ именъ», и они поминаются тамъ на ектеніи ¹¹.

По своему составу Хожденіе Данила стало какъ бы типическимъ образцомъ позднѣйшихъ произведеній этого рода. Это не есть путешествіе въ нынѣшнемъ смыслѣ слова: такъ какъ его единственнымъ побужденіемъ было благочестивое желаніе видѣть Святыя Мѣста,

¹⁰ Въ Великую пятницу, рассказываетъ онъ, «идохъ къ князю тому Балъдвину и поклонихся ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хочещи, игумене Русьскій? Позналъ мя бяше добрѣ и люби мя велми, якоже есть мужъ благодѣтенъ и смѣренъ велми и не гордитъ не мало. Азь же рекохъ ему: княже мой, господине мой! Молю ти ся, Бога дѣля и князей дѣля русскихъ, повели ми, да быхъ и азь поставилъ свое кандило на гробѣ святѣмъ отъ всея русьскыя земля! Тогда же онъ со тцаніемъ и съ любовію повелѣ ми поставити кандило на гробѣ Господни и посла со мною мужа, своего слугу лучшаго, къ иконому святаго Въскресенія и къ тому, иже держитъ ключъ гробный» (стр. 127—128). Видя его «сущую любовь къ Гробу Господню», ключарь Гроба Господня далъ ему (на третій день послѣ Пасхи) малую часть святаго камня и, говоритъ Данилъ, «изидохъ изъ гроба святаго съ радостію великою, обогатився благодатію Божіею и нося въ руку моею даръ святаго мѣста и знаменіе святаго гроба Господня, и идохъ, радуясь, яко нѣкако скровище богатства нося, идохъ въ келію свою, радуясь великою радостію».

¹¹ Стр. 139—140.

весь его рассказъ ограничивается ихъ описаніемъ, а передъ тѣмъ онъ даетъ только маршрутъ пути съ указаніемъ разстояній и иногда лишь съ самыми краткими извѣстіями о странѣ и жителяхъ. Читатель не находитъ у него рассказа объ особенностяхъ природы, о политическомъ положеніи видѣнныхъ земель, о бытѣ и нравахъ населенія; все вниманіе писателя поглощено рассказомъ о томъ, какъ добратся до Святой Земли, и затѣмъ обстоятельнымъ описаніемъ самыхъ святынь, которыя онъ упоминаетъ по порядку, перечисляя все достопримѣчательное: при каждой мѣстности онъ вспоминаетъ библейскую и евангельскую исторію, которую знаетъ съ большими подробностями, обильно дополняя ихъ легендою и апокрифическими сказаніями. Его описаніе обнимаетъ не только путь къ Іерусалиму отъ Царьграда (моремъ) и самый Іерусалимъ, но и другія священныя мѣста Палестины; путь въ Тиверіаду онъ совершилъ съ войскомъ князя Балдуина, такъ какъ путешествіе въ странѣ было небезопасно отъ сарацинъ. Въ самой Палестинѣ онъ пробылъ болѣе года и видимо употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы собрать самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія. «Я, недостойный игумень Даніиль, говоритъ онъ, пришедши въ Іерусалимъ, пробылъ 16 мѣсяцевъ въ лаврѣ святого Саввы и потому могъ походить и разсмотрѣть всѣ его святыя мѣста. Потому что невозможно безъ добраго вожа (проводника) и безъ языка узнать и видѣть всѣ Святыя мѣста. И что у меня было моего скуднаго добыточка, я давалъ изъ этого людямъ,

хорошо знающимъ всѣ Святые мѣста въ городѣ и внѣ города, чтобы все мнѣ хорошо указали, — такъ это и было. И далъ мнѣ Богъ найти въ лаврѣ мужа святого и стараго деньми и весьма книжнаго. И этому святому мужу Богъ вложилъ въ сердце полюбить меня худого, и онъ хорошо указалъ мнѣ всѣ тѣ Святые мѣста и въ Іерусалимѣ и во всей той землѣ»... И дѣйствительно, его указанія весьма обильны и обыкновенно точны. Рассказъ отличается большою простотою, безъ всякихъ попытокъ къ той книжной высокопарности, которая уже съ этого времени начинала проникать къ нашимъ книжникамъ.

Эта простота, точность, богатство историческихъ и легендарныхъ указаній, сдѣлали этотъ первый рассказъ русскаго паломника весьма любимымъ чтеніемъ древней Руси. Новѣйшій издатель Хожденія могъ указать до семидесяти списковъ, изъ которыхъ старѣйшіе не восходятъ впрочемъ дальше XV вѣка. Большая распространенность Хожденія, какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, повела къ тому, что списки его распадаются на нѣсколько различныхъ редакцій. Новѣйшій издатель полагалъ, что въ этихъ редакціяхъ, представляющихъ литературную исторію Хожденія, именно отразилось различное пониманіе этого произведенія въ разныя эпохи нашей письменности;—съ другой стороны можно думать, что различное отношеніе къ этому памятнику могло существовать въ одно и то же время. Уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ спискахъ сочиненіе

Даніила является съ различными заглавіями: Книга, глаголемая странникъ; Странникъ, хожденіе Даніила игумена; Паломникъ Даніила мниха игумена странникъ; Житіе и хожденіе Даніила, русскія земли игумена; Сказаніе Даніила игумена и т. д., такъ что различіе редакцій должно было существовать еще до XV вѣка. Думаютъ, что заглавіе Странникъ ставилось надъ сокращенными списками именно въ смыслѣ путеводителя; заглавіе Житіе могло явиться изъ того, что сочиненіе Даніила было внесено въ какой-нибудь древній списокъ Четьихъ-Миней (какъ впоследствии оно внесено было въ Четьи-Миней митрополита Макарія), и Даніиль былъ принятъ за святого. Нѣтъ сомнѣнія, что хожденіе Даніила имѣло для послѣдующихъ паломниковъ значеніе путеводителя; содержаніе его смѣшивалось съ другими подобными книгами; въ концѣ концовъ забывалось даже точное имя древняго странника. Во всякомъ случаѣ книга Даніила осталась однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашей старой паломнической литературы ¹².

¹² Хожденіе Даніила издано было нѣсколько разъ: — Путешествія русскихъ людей въ чужія земли. Ч. I (изданіе Н. Власова), Спб. 1837; 2-е изд. 1837; Путешествія русскихъ людей по Святой землѣ, ч. I. Спб. 1839; Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, кн. VIII. Спб. 1849, стр. 1—45 (перепечатка предъидущаго). — Путешествіе игумена Даніила по Святой землѣ, въ началѣ XII вѣка (1113—1115). Издано Археографическою Коммиссіею подъ редакціею А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями. Спб. 1664, съ картою Палестины, планомъ Іерусалима и первоначальной базилики гроба Господня и 6 палеографическими снимками. — *Pèlerinage en Terre Sainte de l'Igoumène russe Daniel au commencement du XII siècle (1113—1115), traduit pour la première fois etc. par Abraham*

Въ историко - литературномъ отношеніи Хожденіе Даниіла представляетъ большой интересъ. Какъ литературный памятникъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ нашей письменности, оно важно какъ первый опытъ развившейся потомъ паломнической литературы и любопытно отраженіями быта и понятій, чертами стилиа и языка; затѣмъ весьма важно его общее археологическое значеніе въ ряду средневѣковыхъ описаній Святой Земли

Noroff. Pétersbourg, 1864. (Греческій переводъ съ русскаго изданія Норова, Епифанія Маттеа. Спб. 1867). Сахаровъ зналъ до десяти списковъ Хожденія, Норовъ до *тридцати пяти*; изданія Сахарова были неудовлетворительны; не вполне удовлетворительно было и изданіе Норова, но его заслуга была въ томъ, что онъ впервые предпринялъ критику текста на ряду съ другими средневѣковыми паломниками и своимъ переводомъ сдѣлалъ Хожденіе доступнымъ для западныхъ изслѣдователей. Новѣйшее и наилучшее изданіе, имѣвшее въ виду до *семидесяти* списковъ, принадлежитъ г. Веневитинову: Житіе и хоженіе Данила Русьскыя земли игумена, 1103—1108, подъ редакцію М. А. Веневитинова, въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, вып. 3 и 9. Спб. 1883, 1885. Въ концѣ подробные указатели собственныхъ именъ, малопонятныхъ словъ, мѣстъ священнаго Писанія; пути и разстоянія по указаніямъ Даниіла; карта Святой земли въ XII вѣкѣ. См. также его изслѣдованія о текстѣ Даниіла: Хожденіе Игумена Даниіла въ Святую Землю въ началѣ XII вѣка. Спб. 1877; Замѣтка къ исторіи Хожденія Даниіла Игумена, въ Журн. Мин. Просв., 1883; Лицевой списокъ Хожденія Даниіла Паломника. Спб. 1881, съ образчиками лицевыхъ изображеній (изд. Общества любителей древней письменности). Нѣмецкій переводъ хожденія, Авг. Лескина, Лейпц. 1884; разборъ его, М. Веневитинова, въ Журн. мин. нар. просв. 1884, Августъ. Его же: Хожденіе Даниіла въ изданіяхъ И. П. Сахарова. М. 1889 (изъ Древностей Моск. Археологич. Общества). См. еще: Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Хожденіе въ Св. землю русскаго игумена Даниіла въ началѣ XII вѣка, Н. В. Русскаго, въ Чтеніяхъ Моск. Общества ист. и древн. 1891, кн. 3. Здѣсь разсмотрѣно и упомянуто сверхъ *девяноста* рукописей.

вообще. Мы видѣли, какъ Даниилъ заботился о полной точности своихъ описаній, для которыхъ искалъ свѣдущихъ людей изъ мѣстныхъ церковныхъ старожиловъ. Поставленъ былъ вопросъ о томъ, имѣлъ-ли Даниилъ какое нибудь руководство предшествующихъ памятниковъ письменности: его собственный рассказъ исключаетъ необходимость считать подобное болѣе раннее руководство необходимымъ, то, что онъ написалъ, какъ о своемъ пути, такъ и о видѣнномъ въ Святой Землѣ, онъ могъ рассказать по собственному наблюденію и непосредственнымъ разспросамъ у своихъ вожей. Его свѣдѣнія приобрѣтаютъ большое значеніе для исторической топографіи Святой Земли. Нѣкоторымъ изъ нашихъ новѣйшихъ путешественниковъ въ Святую Землю (напр., извѣстному А. Н. Муравьеву) извѣстія Даниила казались неточными, но дѣло именно въ томъ, что эти извѣстія относятся къ XII столѣтію, и когда Хожденіе во французскомъ переводѣ Норова стало извѣстно специалистамъ по изученію средневѣковой Палестины, они напротивъ, ставили Даниила весьма высоко въ ряду паломниковъ ¹³.

Даниилъ вообще есть типическій благочестивый паломникъ среднихъ вѣковъ. Онъ очень скромно говоритъ о своемъ странствіи, которое совершилъ онъ, «пону-

¹³ Einer der best unterrichteten und selbstständig forschenden Pilger, der russische Abt Daniel, по отзыву вюрцбургскаго профессора Зеппа (Sepp, Neue architectonische Studien und historisch-topographische Forschungen in Palästina, 1867, стр. 203 и др.).

женъ мыслию своею и нетерпѣніемъ моимъ видѣти Святыи градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную». Но, хотя сильно было его собственное «нетерпѣніе», онъ просить не зазреть его худоумія и грубости въ написанномъ: самъ онъ человѣкъ грѣшный «азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобныя дѣла творя», но написалъ все, что видѣлъ своими очами, «дабы не въ забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному», написалъ, «надѣся на милость Божию и вашу (читающихъ) молитву», и убоявшись примѣра того лѣниваго раба, который скрылъ талантъ своего господина. Написалъ онъ свое хожденіе «вѣрныхъ ради человѣкъ», чтобы, слышавъ о Святыхъ мѣстахъ, они поскорѣли и помыслили о нихъ и приняли отъ Бога равную мзду съ тѣми, которые доходили до нихъ: онъ убѣждаетъ, что многіе, оставаясь добрыми людьми дома, больше заслужать отъ Бога, чѣмъ тѣ, которые, дошедши Святыхъ мѣстъ и Святаго града Іерусалима, возносятся своимъ умомъ, «яко нѣчто добро сътворивше, и погубляютъ мзду труда своего». Такимъ образомъ и Даніиль присоединяется къ тѣмъ предостереженіямъ, которыя, какъ мы упоминали, были уже надобны въ XII вѣкѣ, когда страсть къ паломничеству доходила до злоупотребленія.

Съ первыхъ шаговъ своего путешествія, когда Даніиль плылъ отъ Царьграда по «лукоморью» и по островамъ Архипелага, онъ встрѣчалъ уже множество предметовъ,

внушавшихъ благочестивое любопытство; видѣнные города и острова были исполнены воспоминаніями о святыхъ, чудными предметами и святынями. Онъ называетъ имена этихъ святыхъ, рассказываетъ, какъ рождается темьянъ (ѳиміамъ, ладонъ), падающій съ неба и собираемый на деревьяхъ; на островѣ Кипрѣ онъ видѣлъ на высокой горѣ великій крестъ, который поставила святая Елена «на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на исцѣленіе, и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ», — бывають отъ этого креста донынѣ великія знаменія и чудеса: «стоитъ же на воздухѣ крестотъ, ничимъ же не придержитя къ землѣ, но тако Духомъ Святымъ носимъ есть на воздухѣ И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чюдной и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божию на мѣстѣ томъ и походихъ островъ той весь добръ».

Въ Іерусалимѣ и на всемъ пространствѣ Святыхъ мѣстъ онъ видѣлъ множество священныхъ памятниковъ библейскихъ и евангельскихъ, которые описываетъ обыкновенно съ большою точностію, измѣряя большія разстоянія — верстами, малыя — какъ «дваци дострѣлити гораздо», «яко можетъ доверечи (докинуть) каменемъ малымъ»; измѣряя величину зданій и памятниковъ локтями, пядями и сажениами (гробъ Господень онъ измѣрилъ «собою»); пересчитывая столпы, окна, иконы и т. п., — и окруженъ былъ повсюду атмосферою легенды. Когда въ первый разъ бываетъ видѣнъ путнику Іерусалимъ, «и бываетъ тогда радость велика всякому христіанину, видѣвше Святый градъ

Іерусалимъ и ту слезамъ пролитые бываетъ отъ вѣрныхъ человѣкъ. Никто же бо можетъ не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣже Христось Богъ нашъ претерпѣ страсти насъ ради грѣшныхъ. И идутъ вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму». Съ первыхъ строкъ описанія Іерусалимскихъ святынь и въ теченіе всего разсказа, Даніилъ сопровождаетъ изложеніе постоянными эпизодами священной исторіи и легенды. Описывая Храмъ Воскресенія, онъ говоритъ подробно о гробѣ Господнемъ, объ его видѣ и размѣрахъ, о самомъ храмѣ и въ концѣ замѣчаетъ: «Ту есть внѣ стѣны за олтаремъ пупъ земли, и создана надъ нимъ комарка и горѣ написанъ Христось мусією и глаголетъ грамота: се пядію моею измѣрихъ небо и землю». И затѣмъ онъ разсказываетъ о мѣстѣ распятія Господня: «А отъ пупа земнаго до распятія Господня и до края есть сажень 12¹⁴». Распятіе поставлено было на камнѣ: посреди его высѣчено было углубленіе, «скважня», въ которой водруженъ былъ крестъ. «Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ первозданнаго Адама глава; и во распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христось предасть Духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и каменіе распадеся; тогда же и тѣ камень просѣдеся надъ главою Адамлею и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамову и омы вся грѣхы рода человѣча». Это была легенда, извѣстная во

¹⁴ «Края», т. е. Краніева, Лобнаго мѣста.

всемъ христіанскомъ мірѣ, прочно установленная сказаніями о крестномъ древѣ,—которыя возводили исторію этого древа до временъ первыхъ людей, продолжали ее исторіей Соломонова храма и т. д., съ разнообразными комбинаціями апокрифическихъ сюжетовъ. Нашъ Даніилъ подтверждаетъ легенду фактомъ, какъ очевидецъ: «И есть разсѣлина та на камени томъ и до днешняго дне знати есть на деснѣй странѣ распятія Господня знаменіе то честное».

И затѣмъ Даніилъ видитъ въ самомъ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ множество мѣстъ, ознаменованныхъ великими священными событіями. Онъ видѣлъ жертвенникъ Авраамовъ, гдѣ онъ намѣревался принести въ жертву Исаака; невдалекѣ святая темница, въ которой заключенъ былъ Христосъ, и въ 25 саженьяхъ—то мѣсто, гдѣ святая Елена обрѣла честный крестъ, и вѣнецъ, и копье, и губу, и трость. Онъ видѣлъ и много другихъ мѣстъ, связанныхъ съ земною жизнію Спасителя; видѣлъ много мѣстъ, гдѣ совершались событія библейскія: пещеру, въ которой убитъ былъ пророкъ Захарія, и въ той пещеры камень, на которомъ Іаковъ видѣлъ свой сонъ и боролся съ ангеломъ; далѣе: гробъ Богородицы; пещеру, гдѣ преданъ былъ Христосъ, келью Іоанна Богослова, въ которой Христосъ вечерялъ съ учениками своими; въ Вифлеемѣ видѣлъ вертепъ, гдѣ совершилось Рождество Христово, ясли Христовы; пенъ того древа, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ Христовъ, и т. д. Близъ Елеонской горы былъ столпникъ, «мужъ духо-

венъ вельми». Данииль видѣль гору Ѡаворъ съ пещерой Мелхиседека; Назареть, гдѣ домъ Іосифа Обручника, святой кладезь, у котораго совершилось Благовѣщеніе, и т. д. Въ праздникъ Пасхи Данииль видѣль, какъ свѣтъ небесный сходитъ ко гробу Господню, и говоритъ объ этомъ въ благочестивомъ восхищеніи: «Така бо радость не можетъ быти человѣку, ака же радость бываетъ тогда всякому христіанину, видѣвши свѣтъ Божій святой; иже бо не видѣвъ тоа радости въ тѣ день, то не иметь вѣры сказающимъ о всемъ томъ видѣніи; обаче мудрїи и вѣрніи человѣци велми вѣрують и въ сласть послушаютъ сказанїа сего и истины сеа и о мѣстахъ сихъ святыхъ». Въ истинѣ разказа онъ свидѣтельствуется Богомъ, гробомъ Господнимъ; этому были свидѣтелями «и вся дружина, русьстїи сынове, приключьшіися тогда во тѣ день новгородци и кіяне .. и инїи мнози, еже то свѣдають о мнѣ худомъ и о сказанїи семъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено: «моя дружина», и отсюда выводили заключеніе, что Данииль стоялъ во главѣ извѣстнаго числа паломниковъ, составившихъ его дружину. Весьма вѣроятно и естественно, что странники, предпринимавшіе столь далекій путь, собирались въ группу, какъ дѣлають это богомольцы и теперь, и что въ главѣ дружины могъ стать здѣсь игумень. Далѣе, мы еще встрѣтимся съ этой дружиной.

Другимъ путешествіемъ, сохранившимся отъ древняго періода, былъ паломникъ архіепископа новгородскаго Антонїа, въ мірѣ Добрыни Ядрѣйковича (или

Андрейковича), который странствовалъ въ Царьградъ около 1200 года и оставилъ описаніе царьградскихъ святынь. Повидимому, онъ пробылъ въ Константинополѣ довольно долго, потому что видѣлъ многое. Полагаютъ, что авторъ, принадлежавшій въ Новгородѣ къ знатному роду, сдѣлалъ путешествіе еще міряниномъ, что онъ чувствовалъ свою неумѣлость въ книжномъ дѣлѣ и потому ограничился только сухимъ перечетомъ видѣннаго; этимъ объясняютъ и то, что паломникъ Антонія былъ, повидимому, очень мало распространенъ въ чтеніи¹⁵. Можно думать впрочемъ, что сухость изложенія у Анто-

¹⁵ Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Саввантова. Изд. Археограф. Коммисіи. Спб. 1872. Текстъ приведенъ здѣсь, во-первыхъ, въ буквальной передачѣ рукописи (XV вѣка) и, во-вторыхъ, въ чтеніи, съ многочисленными объясненіями по топографіи Константинополя и по церковной археологіи, которыя служатъ къ паломнику необходимымъ комментариемъ. Впоследствии нашелся отрывокъ паломника Антонія въ Копенгагенскомъ сборникѣ XVI вѣка подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Сказаніе о святыхъ мѣстѣхъ и чудотворныхъ иконахъ и иныхъ чудныхъ вещехъ иже суть въ Царѣградѣ, было во свѣтѣи Софеи до взятіе безбожныхъ латынь написано бысть на вѣдѣніе и на удивленіе всѣмъ хрстіаномъ. Это сказаніе издано было Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ, № LX Спб. 1876, стр. 340—352. Еще списокъ, опять неполный, находится въ сборникѣ XVII вѣка, вывезеннымъ Ѡ. М. Истоминымъ изъ Олонецкаго края. См. Матеріалы и излѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Л. Майкова. Спб. 1890, стр. 4—5. Наконецъ, одно начало путника Антонія находится въ сборникѣ 1742 года въ бібліотекѣ Общества любит. др. писемъ. (quarto, № CCXL): оно издано было въ Библиографѣ 1888, № 12, и, съ вариантами чтенія, въ Описаніи рукописей этого Общества, Хр. Лопарева. Часть вторая. Спб. 1893, стр. 385—388.

ніа отражаетъ ту же особенность, которая отличала также новгородскую лѣтопись: мірянинъ Ядрѣйковичъ писалъ съ тѣмъ же дѣловымъ лаконизмомъ, какъ его землякъ лѣтописецъ.

Что остановило въ Царьградѣ вниманіе новгородскаго паломника? Мы не найдемъ здѣсь ни общей картины Константинополя, ни какого либо представленія о столицѣ греческой имперіи, какъ центрѣ просвѣщенія и искусствъ, вліяніе котораго простиралось далеко на востокъ и на западъ,—съ этой стороны новгородскій путешественникъ едва ли могъ себѣ составить понятіе о тогдашнемъ Константинополѣ: чудеса искусства возбуждали его изумленіе, но не приводили къ сознанію этого образовательнаго, какъ и политическаго значенія греческой столицы. Антоній видѣлъ въ Царьградѣ только одно—нескончаемое множество святыни: великолѣпные и знаменитые храмы, наполненные священными предметами библейской и евангельской исторіи, останками святыхъ и мучениковъ и т. п. Разсказъ Антонія и состоитъ почти только въ перечисленіи этихъ чудесныхъ предметовъ, лишь намекая иногда на ихъ легенду. Не сказавъ ничего о своемъ путешествіи онъ съ первыхъ строкъ начинаетъ это перечисленіе.

Приводимъ эти первыя строки: Се азъ недостойный, многогрѣшный Антоней, архіепископъ новгородскій, Божіимъ милосердіемъ и помощію святыя Софіи, иже глаголется Премудрость, присносущное Слово, придохомъ во Царьградъ, преже поклонихомся святѣй Софѣи, и пре-

святаго гроба Господня двѣ доски цѣловахомъ, и печати гробныя, и икону пресвятыя Богородицы, держащую Христа, — въ того Христа жидовинъ ударилъ ножемъ въ гортань, и изошла кровь; а кровь же Господню, изшедшую изъ иконы, цѣловали есмя во олтари маломъ. Во святѣй же Софіи во олтари маломъ. Въ святѣй же Софіи во олтари кровь и млеко святаго Пантелеимона во единой вѣти не смятшися, и глава его, и глава Кондрата апостола, и инѣхъ святыхъ мощи, и глава Ермолы и Стратоника; и Германова рука, ею же ставятся патріарси; и иковона Спаса, юже послалъ святой Гермонъ чрезъ море безъ корабля посолствомъ въ Римъ, и блюдома въ мори; и трапеза, на ней же Христосъ вечерялъ со ученики своими въ великій четвертокъ; и пелены Христовы, и дароносивыя сосуты златы, иже принесоша Христу съ дары волсви; и блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду» и пр. Далѣе, онъ видѣлъ «крестъ мѣрный, колико былъ Христосъ возвышенъ плотію на земли»; скрижали Моисеева закона; кіотъ, въ которомъ манна; сверлы и пилы, которыми дѣланъ былъ крестъ Господень; мраморный камень отъ Самарійскаго кладезя, у котораго Христосъ говорилъ съ самарянкой; въ царскихъ златыхъ палатахъ онъ видѣлъ орудія страданія Спасителя, честной крестъ, вѣнецъ, губу, гвозди, багряницу, копье, трость, затѣмъ повою и поясъ Святой Богородицы; «убрусъ, на немже образъ Христовъ», то есть Нерукотворенный образъ; видѣлъ трапезу, «на ней же Авраамъ со святою Троицею хлѣба ялъ; и ту стоитъ

крестъ въ лозѣ Ноевъ учиненъ, юже по потопись насадивъ; и сучецъ масличенъ туто же, его же голубъ внесе, въ той же лозѣ есть»; далѣе, онъ видѣлъ еще трубу Иисуса Навина («Иерихонскаго взятія») и рогъ Авраамова овна, въ которые «вострубятъ ангели во второе пришествіе Господне», и еще много чудесныхъ и священныхъ предметовъ: ризу и посохъ Богородицы, «калиги Господня» и пр... Лишь одинъ или два раза писатель приходитъ въ лирическое одушевленіе, наприимѣръ, когда описываетъ величіе богослуженія въ святой Софіи и въ придворной церкви, богатыхъ притомъ чудесными святынями. «И егда, — говоритъ Антоній, — увидеть царь въ церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много ксилолоя (алоэ), темьяна (ѳиміама, куренія) и кладутъ на угліе и наполнится благоуханія вся церковь; пѣніе же воспоютъ калуфони (сладкогласно), аки ангели, и тогда будетъ стояти во церкви той аки на небеси или аки въ рай; Духъ же святой наполняетъ душу и сердце радости и веселія правовѣрнымъ чловѣкомъ»...

Разсказъ Антонія не лишенъ важности для византійской археологіи, представляя описаніе цариградскихъ святынь до взятія Константинополя крестоносцами¹⁶; въ нѣкоторыхъ случаяхъ его показанія остаются единственными. Какъ памятникъ русскаго паломничества, разсказъ Антонія стоитъ рядомъ съ Хожденіемъ Даниила и составляетъ важный историческій моментъ въ развитіи церковно-народной письменности и поэзіи. Тотъ и другой находятся

¹⁶ Какъ это упомянуто въ заглавіи Копенгагенскаго списка.

виолнѣ въ области церковнаго преданія и нераздѣльно съ этимъ въ области апокрифической легенды. Эта послѣдняя входила уже съ первыми памятниками нашей письменности и ее въ изобиліи слышали и отмѣчали первые паломники: по всей вѣроятности путемъ этихъ странствій благочестивыхъ людей въ особенности приходили изъ Византіи, Аѳона, Болгаріи и самой Палестины письменные памятники этой легенды, которая уже скоро обильно разрослась въ древней русской письменности; несомнѣнно рядомъ шло и устное присвоеніе и развитіе легенды.

Игумень Даніилъ и архіепископъ Антоній надолго, почти до самаго конца древняго періода, опредѣлили характеръ паломнической литературы, — не потому, впрочемъ, чтобы послѣдующіе писатели именно подражали имъ, а потому, что у Даніила въ первый разъ примѣнена была манера, отвѣчавшая простодушному благочестію странниковъ. У Антонія разсказъ превратился почти только въ каталогъ видѣнныхъ имъ святынь. И эту манеру мы увидимъ на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ.

Послѣ Антонія, въ наступившей вѣкѣ татарскаго разоренія, когда письменность, повидимому, вообще упала подъ гнетомъ, какой испытывала народная жизнь, мы не находимъ новыхъ паломническихъ записокъ до самой половины XIV вѣка. Но въ періодъ затишья, странствія ко Святымъ Мѣстамъ, безъ сомнѣнія, продолжались — собирались опять дружины, отправлявшіяся въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Палестину¹⁷. Выше приведено упоминаніе

¹⁷ Ср. замѣчанія Майкова объ этомъ періодѣ: Матеріалы и изслѣдованія I. Спб. 1890, стр. 41.

о паломникахъ въ лѣтописи подѣ 1283 годомъ. Новгородскій архієпископъ Василій (1331—1352), авторъ знаменитаго посланія къ тверскому епископу Θεодору о земномъ раѣ, — посланія, занесеннаго въ лѣтопись, — въ мѣрѣ посылъ имя Григорія Калики, по всей вѣроятности потому, что именно былъ усерднымъ паломникомъ: онъ дѣйствительно былъ въ Палестинѣ, видѣлъ финиковыя пальмы, посаженныя Христомъ, видѣлъ врата Іерусалима, не открывающіяся съ тѣхъ поръ, какъ затворилъ ихъ Спаситель и т. д. Ставши архієпископомъ, онъ не потерялъ любви къ легендѣ и его посланіе о земномъ раѣ остается однимъ изъ самыхъ любопытныхъ образчиковъ средневѣковой фантастической легенды, достовѣрность которой онъ подтверждаетъ свидѣтельствомъ очевидцевъ, «много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому». Но если Василій не занесалъ отдѣльно свое путешествіе, нашелся другой новгородецъ, его современникъ, Стефанъ, отъ котораго сохранилось сказаніе о путешествіи въ Царьградъ. Время путешествія опредѣляется упоминаніемъ константинопольскаго патріарха Исидора, котораго Стефанъ видѣлъ въ шестой годъ его патріаршества, такъ что путешествіе должно быть отнесено ко времени около 1350 года. Самъ Стефанъ былъ тогда уже старымъ инокомъ и отправлялся въ путь не одинъ, а «съ своими други осмью», т.-е. опять съ небольшою дружиной.

Разсказъ его ведется совершенно въ томъ же тонѣ, какъ за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ у Данила и Антонія. Безъ всякихъ предисловій онъ начинаетъ прямо. «Въ не-

цѣлю страстную приидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ святой Софіи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и выотою и красотою издавеча смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣхъ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наподни, на срацинскую землю къ Іерусалиму... А отъ столпа Юстиніанова внити въ двери Святыя Софіи; въ первыя двери поступивъ мало, иди въ другія, и третья, и четвертыя, и пятыя, и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ Святую Софію, въ великую церковь. И пошедъ мало обратитись назадъ, и възрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона Святыи Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати». Онъ упоминаетъ еще о чудѣ, которое совершилось передъ этой иконой, объ иныхъ святыняхъ знаменитаго храма, и между прочимъ упоминаетъ еще о такомъ чудѣ: «ту бо есть въ великомъ олтарѣ кладязь отъ святаго Іордана явися. Бысть во едино утро стражи царскіе выняша изъ кладезя пахирь¹⁸, и познаша калиги русскія; греци же не яша вѣры. Русь же рѣша: нашъ пахирь есть; мы бо купахомся и изренихомъ на Іорданѣ... зане бо не яша Руси вѣры на томъ. Оле намъ страннымъ!.. Се бо сотворися кладязь Божіемъ повелѣніемъ, что се нарече: Іорданъ». Чудо съ пахиремъ русскихъ каликъ, котораго не хотѣли признавать греки,

¹⁸ Дорожный сосудъ для питья.

должно было подтвердить названіе кладезя Іорданомъ. Было столько чудныхъ вещей въ святой Софіи, что нельзя описать: «о святой Софіи Премудрости Божіей умъ человѣчь не можетъ ни сказати, ни вычести». Далѣе, въ столпѣ правовѣрнаго царя Константина лежитъ сѣкира Ноева; въ церкви Святой Богородицы странники поклонились выходной иконѣ: «ту бо икону Евангелистъ Лука написа, понарови самую Госпожу Дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ и людіе изъ иныхъ городовъ! Икона-жь та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поютъ красно, а народи вси зовутъ: Кіріе елейсонъ! съ плачемъ». Стефанъ описываетъ чудо, происходившее при этомъ, впрочемъ нѣсколько невразумительно. По церквамъ и монастырямъ странники поклонились многимъ мощамъ и чуднымъ иконамъ; въ церкви апостольской «отъ великихъ дверей, на правой руцѣ, стоятъ два столпа, единъ, идѣ-же бѣ привязанъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а другій, на немъ же Петръ плакася горько; ти бо столпы привезены отъ Іерусалима Святою Еленою царицею. Единъ столпъ, иже бѣ Іисусовъ, отъ зелена камени, съ прочерною, а другій, Петровъ, тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣлъ, видомъ аки дятленъ». Въ монастырѣ Спаса Вседержителя лежитъ доска Господня, привезенная царицей Еленой, и въ алтарѣ «чаша отъ бѣла камени, въ пей же Іисусъ отъ воды вино сотвори вельми чудно». Во Влахериѣ, церкви Святой Богородицы, «лежитъ риза

и поясъ и скуфія, иже бѣ на главѣ ея была, а лежать во олтарѣ на престолѣ, въ ковчегѣ запечатана тако-жъ, яко и страсти Господни, еще и тверже того, приковано желѣзомъ; а ковчегъ сотворенъ отъ камени хитро вельми». У различныхъ святынь странники видѣли много исцѣленій. Царьградъ произвелъ на нихъ вообще сильное впечатлѣніе: «много бо видѣхомъ въ Царьградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати; толико бо Богъ прославилъ Святыя мѣста, еже не можно разстатися». Въ заключеніе Стефанъ замѣчаетъ, что «въ Царьградѣ аки въ дуброву внити, и безъ добра вожа не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единого святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ, и тогда видѣти и цѣловати». Упомянувъ о трапезѣ Авраама, Стефанъ замѣчаетъ, что они видѣли самый дубъ Мамврійскій, «егда быхомъ въ Іерусалимѣ и окрестъ его». Въ концѣ онъ говоритъ, что осмотрѣвъ всѣ Святыя мѣста въ Царьградѣ, они пошли въ Іерусалимъ, но описанія этого послѣдняго путешествія еще не нашлось, и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ за рассказомъ Стефана слѣдуетъ Паломника Даніила ¹⁹.

Ко второй половинѣ XIV вѣка должно быть, по всей вѣроятности, отнесено Хожденіе нѣкоего архимандрита Греѣенія или Агреѣенія. Извѣстное до сихъ поръ въ единственной рукописи, Хронографъ письма XV—XVI вѣка, въ библіотекѣ Церковно-археологическаго Музея въ Кіевѣ, это Хожденіе представлялось для нашихъ ученыхъ

¹⁹ Изд. у Сахарова, Сказанія, т. II.

нѣсколько загадочнымъ. Первое свѣдѣніе о немъ дано было мимоходомъ въ 1853 г. преосв. Филаретомъ черниговскимъ, которому рукопись первоначально принадлежала; позднѣе Норовъ, не знавшій самой рукописи, въ изданіи Паломника Даніила отнесъ Хожденіе ко второй половинѣ XVІІ вѣка (самая рукопись старѣе); затѣмъ Н. И. Петровъ, въ описаніи рукописей упомянутаго кіевскаго музея, и С. И. Пономаревъ считали Хожденіе произведеніемъ XV вѣка. Правильное изученіе стало возможно лишь съ тѣхъ поръ, какъ памятникъ былъ изданъ г. Горожанскимъ, съ комментаріями, въ 1884—1885 гг. Первый издатель Хожденія старался разрѣшить недоумѣнія, какія представлялъ памятникъ и относительно времени, которому онъ могъ бы принадлежать, и относительно автора. Прежде всего, въ греко-русскихъ святцахъ не существуетъ самаго имени Греѳенія: оно, очевидно, испорчено. Преосв. Филаретъ, со свойственной ему рѣшительностью сужденій, замѣнилъ это испорченное имя именемъ Григентія; замѣна была, очевидно, произвольная, и эпоха памятника оставалась не выясненной. Издатель Хожденія, г. Горожанскій, внимательно изучивъ памятникъ, сдѣлалъ много полезныхъ сличеній его содержанія съ показаніями другихъ паломниковъ, и относительно его происхожденія приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. По языку Хожденіе принадлежитъ сѣверному нарѣчію и весьма близко къ редакціи новгородской или сѣверо-западной. По времени написанія, оно должно принадлежать концу XIV или началу XV вѣка; и именно въ испорченномъ имени Гре-

енія изслѣдователь хотѣлъ видѣть имя того Епифанія Премудраго, который столь извѣстенъ былъ въ старой письменности какъ жизнеописатель Св. Сергія Радонежскаго и, по собственнымъ его словамъ, совершилъ странствіе ко Святымъ Мѣстамъ. Разсказъ Епифанія объ этомъ странствіи никогда не встрѣчался въ рукописяхъ; неизвѣстно даже, былъ-ли онъ когда-нибудь написанъ: г. Горожанскій полагалъ, что мы имѣемъ этотъ разсказъ въ Хожденіи архимандрита Грегенія²⁰. Доказательства не были убѣдительны и новый издатель Хожденія, архимандритъ Леонидъ, въ послѣднемъ трудѣ своемъ, явившемся въ изданіяхъ Палестинскаго Общества, пришелъ совершенно къ инымъ заключеніямъ, которыя представляются гораздо болѣе вѣроятными.

Во-первыхъ, арх. Леонидъ сдѣлалъ предположеніе, основываясь на написаніи заглавія, что загадочное имя автора слѣдуетъ читать: Агрегеній, и что въ такомъ случаѣ это будетъ народное произношеніе неоднократно упоминаемаго въ святцахъ имени Агрипины (или также Агриппа, Агриппій) на подобіе того, какъ изъ Агриппины вышла Аграѳена. Далѣе, Агрегеній названъ въ

²⁰ Съ именемъ этого (а можетъ быть, и другого?) Епифанія сохранился въ рукописяхъ XVI—XVII вѣка небольшой, странички въ двѣ, памятникъ: Сказаніе Епифанія мниха о пути къ Іерусалиму, заключающій голый перечень пути и счетъ верстъ отъ Новограда черезъ Полоцкъ, Минскъ, Слуцкъ, Бѣлгородъ, моремъ въ Царьградъ, моремъ въ Яффу, до Іерусалима («всего отъ великаго Новограда до Іерусалима 3420 верстъ»). Издано, вмѣстѣ съ посланіемъ іеромонаха Епифанія къ другу Кириллу, арх. Леонидомъ въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, вып. 15, Сиб. 1887.

рукописи архимандритомъ обители пресвятой Богородицы, и для XIV вѣка, на который указываютъ другія данныя Хожденія, извѣстны двѣ такія обители: Кіево-печерская Смоленская, и рѣчь идетъ вѣроятно о послѣдней, такъ какъ отъ Смоленска, повидимому, и начался путь нашего паломника. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что эта обитель имѣла въ XIV вѣкѣ своихъ архимандритовъ. Что касается до времени Хожденія, не указаннаго въ самомъ памятникѣ, то первый издатель замѣтилъ уже отсутствіе упоминанія о туркахъ, которые завладѣли Іерусалимомъ въ 1517 году,—такъ что хожденіе не могло быть совершено позднѣе этого года. Есть, однако, косвенное указаніе, которое можетъ служить къ опредѣленію эпохи Хожденія. А именно, Агреоеній рассказываетъ, что въ день сошествія Святого Духа или схождения Святого огня совершали служеніе съ патріархомъ «митрополитъ Германъ изъ Египта и епископъ Марко изъ Дамаска, бывший прежде игумень въ лаврѣ Св. Саввы, и игумень Стефанъ Св. Саввы». Первый издатель замѣтилъ это указаніе, но не нашелъ для него историческаго пріуроченія; архимандритъ Леонидъ обратилъ вниманіе на показаніе лѣтописи, что въ 1371 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Іерусалима за милостынею митрополитъ Германъ, а въ 1376 прибылъ въ Москву съ востока епископъ Маркъ за милостыней для Синайскаго монастыря, и въ спискѣ антїохійскихъ патріарховъ значится Маркъ II, скончавшійся въ 1378,—арх. Леонидъ предполагалъ, что именно объ этихъ лицахъ

упоминаетъ Агреѳеній. Другое хронологическое соображеніе арх. Леонидъ выводилъ изъ того, что Агреѳеній говоритъ о томъ, какія священныя мѣста находились въ его время во владѣніи того или другаго исповѣданія. А именно, армяне владѣли тогда частью Голгоѳы, монастыремъ Св. Іакова и домомъ Каіафы на Сіонѣ, а также монастыремъ за Горней. Кромѣ того, армянскій епископъ сопровождалъ православнаго патріарха при нисхожденіи святого огня: Сіонскіе монастыри и участіе въ обрядахъ святого огня принадлежатъ армянамъ и донынѣ. Остается опредѣлить, когда армяне владѣли частью Голгоѳы и монастыремъ за Горней. Такое преобладающее значеніе армянъ въ Іерусалимѣ дѣйствительно было и относится къ послѣднему расцвѣту армяно-киликійскаго царства, отъ вступленія на престолъ въ 1365 Петра I, короля кипрскаго и іерусалимскаго, до конца того-же столѣтія. Иноземцы-паломники итальянскіе и греческіе также упоминаютъ о владѣніи армянами Голгоѳою, а нѣмецкій паломникъ конца XV вѣка говоритъ, что около 1465 года грузины побудили египетскаго султана подарками отдать имъ всю Голгоѳу. Наконецъ, на значительную древность хожденія указываетъ, по мнѣнію арх. Леонида, характеръ изложенія и языка. «Агреѳеній, говоритъ онъ, ближе къ игумену Даніилу по своему древнему и образному языку (просторѣчью) и тѣмъ, что для обозначенія положенія и разстоянія Св. мѣсть одно отъ другаго употребляетъ тѣ же выраженія, какъ и Даніиль: дострѣлить изъ лука (дважды, трижды), на верженіе камени, на лѣтній и

зимній восходъ, на обѣдни годъ (полдень)». Употребленіе древнихъ словъ: голомяни, зазданы, столны зиданные, утлина, прозоръ, творило, кладенець, перестрѣль и т. п., уже не встрѣчается у позднѣйшихъ паломниковъ.

На всѣхъ этихъ основаніяхъ арх. Леонидъ относилъ Хожденіе Агреоенія къ семидесятымъ годамъ XIV вѣка и находилъ, что своей полнотой оно превосходитъ какъ Ксенось Зосимы (съ которымъ представляетъ много сходства), такъ и путешествіе Игнатія Смольнянина. Раздѣленное на главы, которыя писались вѣроятно вскорѣ послѣ осмотра описанныхъ мѣстъ, оно, по словамъ арх. Леонида, «носитъ на себѣ печать свѣжести и внимательнаго изученія описываемыхъ мѣстъ и предметовъ, и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлено наравнѣ съ произведеніемъ нашего перваго паломника-писателя», т.-е. игумена Даніила. Дѣйствительно, Хожденіе Агреоенія носитъ черты гораздо болѣе далекой древности, чѣмъ казалось его первому издателю и комментатору. Оно не могло бы принадлежать Епифанію Премудрому потому уже, не говоря о другомъ, что Епифаній былъ знаменитъ въ свое время какъ изящный писатель, мастеръ добрословія, а здѣсь его нѣтъ и слѣда: это — простой и простодушный рассказъ, краткій какъ дневникъ, иногда даже не совсѣмъ понятный, какъ личная замѣтка для памяти; нѣтъ никакихъ размышленій и выраженій личнаго чувства. Свой путь Агреоеній начинаетъ отъ «русскія земли западныя»: отмѣтивъ разстояніе отъ Москвы до Смоленска, онъ видимо ставитъ исходнымъ пунктомъ

Смоленскъ. Дорога его шла черезъ западную Русь; отъ Бѣлгорода (Аккермана) онъ плылъ моремъ до Царяграда и опять моремъ до Святой земли. Путь отмѣченъ только числомъ верстъ или дней отъ одного города или острова до другого, лишь съ рѣдкими замѣтками о достопримѣчательностяхъ: на островѣ Стихіи «ражается мастика», въ Епретьѣ «доспѣваютъ темьянъ черный», на Кипрѣ «крестъ благоразумнаго разбойника, и ту ражается много сахара». Обстоятельное, хотя опять чрезвычайно сжатое описаніе, начинается только съ Іерусалима. Въ цѣломъ онъ, безъ сомнѣнія, уступаетъ игумену Даніилу, который рассказываетъ подробнѣе, больше вводитъ читателя во внутреннюю жизнь паломника, передавая его благочестивое настроеніе и легендарный міръ, его окружавшій. Агреѣній ближе къ другимъ паломникамъ, которые дѣлали какъ бы только замѣтки для памяти, чтобы дома обстоятельно рассказать о видѣнныхъ чудесахъ жаднымъ слушателямъ. Достигнувши съ великими трудами желанной цѣли, паломники обыкновенно очень внимательно осматривали палестинскія святыни и старались быть точными въ своихъ описаніяхъ: таковъ и Агреѣній, — не довольствуясь видѣннымъ, онъ доискивался другихъ свѣдѣній, «распытывалъ» калугеровъ, т.-е. монаховъ, высчитывалъ и вымѣривалъ и т. д. Въ особенности, конечно, онъ выспрашивалъ легендарныя подробности, но, повидимому, не всегда довѣрялъ рассказамъ, замѣчая, что такъ «глаголють».

Кромѣ этого литературно-благочестиваго интереса,

Хожденіе Агреоенія имѣеть значительную цѣну историческую — своими показаніями о положеніи различныхъ палестинскихъ святынь въ исходѣ XIV вѣка. Обширный комментарий г. Горожанскаго даетъ въ этомъ отношеніи не мало сравненій съ западными паломниками того же времени ²¹.

Тотъ же стиль въ описаніяхъ Святыхъ Мѣсть представляетъ странствіе Игнатія Смольнянина, который въ 1389 г. сопровождалъ въ Константинополь митрополита Пимена. Митрополитъ уже въ третій разъ отправлялся въ Константинополь, потому что не ладилъ съ великимъ княземъ и желалъ утвердить свое положеніе хлопотами въ Константинополь; онъ взялъ съ собой одного епископа, архимандрита, духовную свиту и слугъ, и поручилъ своимъ спутникамъ, если кто захочетъ, описать это путешествіе. Сохранилось только описаніе Игнатія. Путь былъ медленный и трудный; по дорогѣ митрополита торжественно встрѣчалъ въ Переяславлѣ рязанскомъ самъ князь рязанскій Олегъ съ дѣтьми и боярами, а далѣе послалъ проводить ихъ до рѣки Дона одного своего боярина «съ довольною дружиною», по случаю разбоевъ; кромѣ того везли на колесахъ нѣсколько небольшихъ судовъ. На Дону спу-

²¹ Изданія: Я. И. Горожанскій, Хожденіе архимандрита Греоеня во Святую Землю. Излѣдованіе памятника съ примѣчаніями къ тексту, и текстъ, въ Рус. Филологич. Вѣстникѣ, 1884, IV, стр. 251—312, и 1885, I, стр. 1—43; Хожденіе архимандрита Агреоеня подъ редакціей арх. Леонида (последній его трудъ въ Палестинскомъ обществѣ, посвятившемъ это изданіе его памяти), въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, вын. 48. Спб. 1896.

стили суда на рѣку, путники распрощались съ провожаемыми, которые вернулись назадъ. Путешествіе по Дону, рассказываетъ Игнатій, было «печально и уныньливо: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни что же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію пустожь все и ненаселено, нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыни велія и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и штицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великія». На пути встрѣтилъ ихъ еще князь Елецкій, посланный Олегомъ Рязанскимъ, и затѣмъ они окончательно разстались съ родиной. Они проплыли устья Тихой Сосны, Хопра, Медвѣдицы, миновали «Серклию», т.-е. древній Саркель, «не градъ же убо, но точію городище», т.-е. развалины. Затѣмъ пошли татарскіе улусы и путниковъ началъ одержать страхъ: «яко внидохомъ въ землю татарскую, ихъ же множество оба полъ Дона рѣки аки песокъ... Стада-жъ татарскія видѣхомъ толико множество, яко же умъ превосходящъ, овцы, козы, волы, верблюды, кони». Впрочемъ татары не причинили имъ никакого зла; но за то въ Азовѣ напали на нихъ владѣвшіе этимъ городомъ «фряги и нѣмцы»: они догнали корабль нашихъ странниковъ, «наскакали» на него «борзостію» и, утверждая, что митрополитъ имъ долженъ, сковали его и его приближенныхъ, и отпустили только «довольну мзду взявше». Странники вышли въ Черное море, но буря занесла ихъ къ Синопу. Не доѣзжая до

Константинополя, они услышали о турецкомъ царѣ Амуратѣ, который пошелъ тогда ратью на сербскаго царя Лазаря ²². Путники находились въ турецкой землѣ, и митрополитъ, убоявшись, отпустилъ впередъ смоленскаго епископа Михаила, который взялъ съ собой и Игнатія.

Прибывши въ Константинополь, нашъ странникъ прямо переходитъ къ описанію цареградскихъ храмовъ, святынь, царскихъ дворовъ, столповъ и т. д., «дивящесь чудесемъ святыхъ, и величеству и красотѣ безмѣрней церковней». Въ Константинополѣ по ихъ прибытіи «придоша къ намъ Русь, живущая тамо; и бысть обоимъ радость велія»... Далѣе, помѣщенъ рассказъ о распрѣ Калояна съ Мануиломъ и царскомъ вѣнчаніи императора Мануила, и затѣмъ Игнатій описываетъ свое хожденіе въ Іерусалимъ и безъ всякихъ предисловіи приступаетъ къ перечисленію достопримѣчательностей Іерусалима, къ описанію церкви Воскресенія ²³, гдѣ прежде всего упоминается «доска, на ней же Христа Бога нашего положили, со креста снемъ», и далѣе съ тою приказной обстоятельностью, которая уже съ тѣхъ поръ отличаетъ московскихъ людей, онъ перечисляетъ церковныя службы разныхъ исповѣданій, какія совершались

²² Въ путешествіи Игнатія, какъ оно издано было у Сахарова (Сказанія, т. II), включенъ и рассказъ объ Амуратѣ; но этотъ рассказъ Игнатію не принадлежитъ и прибавленъ позднѣйшимъ книжникомъ изъ житія сербскаго деспота Стефана Лазаревича (см. Андрея Попова, Обзоръ Хронографовъ русской редакціи. II, Москва, 1869, стр. 50).

²³ «Сицеже ми случися видѣти недостойному и сущимъ со мною во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ: есть убо тамо церковь Воскресеніе Христово», и т. д.

при гробѣ Господнемъ. «А противъ гроба Господня, — рассказываетъ Игнатій Смольнянинъ, — греческая служба, грецы служатъ; а съ правую сторону отъ гроба Господня римская служба, римляне служатъ; а на палатѣхъ съ правую сторону арменская служба, армени служатъ; а съ правую сторону отъ гроба Господня на землѣ ѳрязская служба, ѳрязи служатъ; а оттуда наки сирская служба, сиряне служатъ; а съ лѣвую сторону гроба Господня за гробомъ Господнимъ яковицкая служба, яковиты служатъ; а съ лѣвую сторону Господня гроба ѳрязская служба, ѳрязи служатъ; а оттуды наки нѣмецкая служба, нѣмцы служатъ; а отъ тое службы наки ѳрязская служба, ѳрязи служатъ». Само собою разумѣется, что онъ видѣлъ въ Иерусалимѣ не мало тѣхъ же святынь, какія видѣли его предшественники, но иное онъ рассказываетъ съ вариантами: произошли перемѣны и въ мѣстностяхъ, на примѣръ: «на подоль идучи во градъ Иерусалимъ была церковь греческая, а нынѣ срацынскій мезгитъ» (мечеть). Разумѣется также, что и у Игнатія, при всей краткости его рассказа объ Иерусалимѣ, большое мѣсто занимаетъ апокрифическая топографія и апокрифическая легенда. Укажемъ одинъ образчикъ: «за Давыдовымъ домомъ педалече Сіонъ гора, и на той горѣ монастырь дивенъ зѣло, ѳрязскій, держать его ѳрязове и живутъ въ немъ ѳрязскіе черницы, глаголють же сице: яко тамо Христось самъ обѣдно служилъ, и научилъ по плоти брата своего Іакова обѣдно служить, и предалъ ему таинство священныхъ и божествен-

ныхъ служеній; тамо горница, идѣже на святыя апостолы Христовы Духъ святой сииде въ день пятидесятный; тамо съ лѣвыя страны церкви мѣсто есть, гдѣ Господь погумылъ ученикамъ своимъ; тамъ та храмина есть, гдѣ Господь затвореннымъ дверемъ вииде и невѣрующаго своего ученика Ѳому увѣрилъ по воскресеніи своемъ; въ той церкви во время вольнаго и спасеннаго распятія Христова завѣса раздрася на двое; въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Пречистая Богородица поклоны клала; таможь въ той церкви два камени, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто»²⁴.

Въ одно время съ Игнатіемъ былъ въ Царьградѣ какой-то дьякъ Александръ, который, по его собственнымъ словамъ, «ходилъ куплею» въ греческую столицу. Описаніе его очень кратко и заключается почти только въ перечисленіи видѣнныхъ святынь. О святой Софіи онъ замѣчаетъ съ самаго начала, что «величества и красоты ея не мощно исповѣдати»; а въ концѣ онъ опять повторяетъ о невозможности описать чудеса Царяграда: «Сии-жь святыя монастыри, и святыя мощи, и чудотворенія — ово видѣхомъ, иная-жь не видѣхомъ; не

²⁴ Сказаніе Игнатія занесено было въ лѣтопись, и въ составѣ ся издано было не однажды: въ Никоновской лѣтописи, въ Русскомъ Временникѣ, въ Россійской Исторіи Татищева. Затѣмъ оно было издано Сахаровымъ въ Путешествіяхъ русскихъ людей (въ послѣдній разъ въ Сказаніяхъ русскаго народа, т. II. Спб. 1849). Болѣе исправно и съ разборомъ сложнаго состава этого хожденія, въ ряду изданій Палестинскаго Общества: Хожденіе Игнатія Смолнянина. 1389 — 1405 г. Подъ редакціею С. В. Арсеньева. Спб. 1887. (Правосл. Палестинскій Сборникъ, вып. 12).

мощно бо исходити все и видѣти святыхъ монастырей, или святыхъ мощей, или списати, тысяща тысящами; а иныхъ святыхъ мощей и чудотвореній не мощно исповѣдати».

Съ XV вѣка число путешествій разростается и онѣ становятся разнообразнѣе. Типъ рассказовъ остается прежній, но условія странствій уже очень пзмѣнились, и паломникъ по необходимости долженъ вдаваться въ подробности о самомъ путешествіи, которыя въ прежнее время всего чаще умалчивались. Первый по времени странникъ XV столѣтія, описавшій свое путешествіе, былъ троицкій іеродіаконъ или іеромонахъ Зосима, ходившій около 1420 г. въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Въ первый разъ Зосима отиравался въ Константинополь въ началѣ столѣтія, сопровождая княжну Анну, дочь великаго князя Василія Дмитріевича, помолвленную за наслѣдника византійскаго престола Іоанна, сына императора Мануила Палеолога. Неизвѣстно, какъ долго онъ тамъ оставался, но въ 1419 г. Зосима началъ новое путешествіе²⁵, повидимому уже только съ паломническою цѣлью. Пробывъ полгода въ Кіевѣ, онъ черезъ Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ) отиравался моремъ въ Константинополь, гдѣ оставался два съ половиной мѣсяца. Отсюда онъ посѣтилъ Аѳонъ, весною передъ Пасхой былъ въ Іерусалимѣ, гдѣ провель, затѣмъ, цѣлый годъ. На обратномъ пути онъ прожилъ еще зиму въ Царьградѣ и вернулся въ Троицкую

²⁵ Издано у Сахарова, тамъ-же.

лавру въ Маѣ 1422 г. Это не былъ особенно искусный книжникъ; рассказъ его не всегда достаточно вразумителенъ; по обычаю паломниковъ, почти всеобщему, онъ былъ легковѣренъ,—это, впрочемъ, не мѣшало бы историко-литературному интересу его повѣствованій и даже увеличило бы этотъ интересъ, если бы къ его легковѣрiю присоединилось книжное искусство. Свое писанiе онъ объясняетъ тѣмъ, что «тайну цареву хранить добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть: да еже бо не хранить царевы тайны неправедно и блаженно есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наноситъ душѣ своей».

Сочиненiе свое онъ назвалъ Ксенось, глаголемый странникъ, о хожденiи и бытiи моемъ, — желая блеснуть греческой ученостью, впрочемъ, невеликой. Изъ Москвы онъ прибылъ въ Кiевъ, и захотѣвъ видѣть Святыхъ Мѣста, отправился оттуда, повидимому, опять въ составѣ цѣлой дружины, потому что отъ Кiева, по словамъ его, онъ пошелъ «съ купцы и вельможами съ великими». Они шли на Бугъ, въ «поле татарское», на Днѣстръ, перешли волошскiй рубежъ, отъ устьевъ Днѣстра плыли до Царяграда цѣлыхъ три седмицы, потому что были бури. Описанiе Царяграда—обычное, съ рассказомъ о Святой Софiи, ея святыняхъ, иконахъ, мощахъ, съ трапезой Авраама, сѣкирой Ноя, камнемъ, изъ котораго Моисей источилъ воду, и т. д.,—но и съ нѣкоторыми вариантами и добавленiями. Мы видѣли, напримѣръ, у Стефана Новгородца описанiе Юстинiа-

нова столпа; Зосима разсказываетъ о немъ нѣсколько иначе: «Предъ дверьми же Св. Софїи столпъ стоитъ, на немъ царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь мѣдянь, и самъ мѣдянь вылить, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на срацинскіе цари; а срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастно. Въ друзьѣй же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ». Въ числѣ цареградскихъ чудесъ Зосима видѣлъ, между прочимъ, слѣдующее: у церкви Апостольской, «предъ враты великими церковными стоитъ ангелъ страшень великъ и держитъ въ руцѣ скипетръ Царяграда; а противъ его стоитъ царь Константинъ, аки мужъ живой, а держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ его на соблюденіе тому ангелу». У монастыря Пантократора другое чудо: «и въ сторонѣ того монастыря, съ два перестрѣлица большая, есть монастырь, еже ся зовутъ: Аполиканти; предъ враты того монастыря лежитъ жаба каменная: сія жаба, при царѣ Львѣ Премудромъ, по улицамъ ходячи, сметіе жерла²⁶, а метлы пометали сами, возстанутъ людіе порану, а улицы чистыя».

Изъ Константинополя Зосима посѣтилъ Аѳонъ, былъ въ Солуни и оттуда моремъ отпавился въ «Палестин-

²⁶ Т. е. пожирала соръ; въ текстѣ Сахарова испорчено: «смертію людей пожирала».

скія мѣста», но уже, говоритъ онъ, «съ нужею доидомъ святаго града Іерусалима, злыхъ ради араповъ». Здѣсь онъ, какъ игумень Данииль, видѣлъ свѣтъ небесный у гроба Господня. Объ этомъ онъ говоритъ такъ: «О зажженіи же глаголютъ иніи: яко молнія сверкаетъ; а иніи-же глаголютъ: яко голубъ во устѣхъ своихъ огонь носитъ; а все то есть лжа и не истина, зане же азъ видѣхъ Зосима, грѣшный дьяконъ. Не хвалюся, глаголю, никто же тако видѣ Іерусалимскія мѣста, яко азъ грѣшный видѣхъ Іерусалимская вся мѣста, занеже пребыхъ лѣто цѣлое во Іерусалимѣ и за Іерусалимомъ, ходя по святымъ мѣстомъ, и подъяхъ раны довольны отъ злыхъ араповъ, азъ грѣшный, и все терпя за имя Божіе; поминахъ апостоли и мученицы, что они подъяша за имя Божіе, азъ же то ни во что же вмѣнихъ и терпя съ благодареніемъ; занеже, аще кто доиде Іерусалима, уже гробъ быхъ видѣлъ; а за Іерусалимъ никто же поидти можетъ, злыхъ ради араповъ, быють бо безъ милости». Кромѣ злыхъ араповъ въ самомъ Іерусалимѣ христіанъ угнетали сарацины: «окаяннїи срацше всѣ церкви христіанскія запечатають, глаголюще: нѣтъ у васъ праздника, откупайте... А черезъ весь годъ замчена церковь Святаго Воскресенія и прикрѣплена печатію султана царя египетскаго. Прилучивыися поклонницы отъ которыхъ странъ, идутъ ко амиру, и амиръ, емля дары, церковь отпечатываетъ». «А кому поклонитися гробу Господню, — говоритъ онъ дальше, — тому дати златыхъ денегъ, венетическихъ флоринъ. То еще колико на пути арапомъ давати, откупати путь,

идучи отъ Рамли ко Іерусалиму, то еще сторожемъ давати, 15 стражей у гроба Господня приставлено, лютыхъ срацинъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ апокрифическая легенда отмѣчена у него новыми подробностями. Таковы рассказы о Сіонѣ: «...церковь святой Сіонъ, мати всѣмъ церквамъ. Глаголетъ бо писаніе, яко сія убо первая церковь стася, по распятіи Христовѣ, во Іерусалимѣ; ту жила Святая Богородица, по Вознесеніи Сына своего на небеса, и ту молилася Сыну своему, и донынѣ знати мѣсто то, идѣже клала поклоны на мраморѣ... и ту лежатъ 2 камени, иже Пречистая восхотѣла видѣти тѣ камени, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстей; и принесе ангель 2 камени, еже ся зоветь: Кушина неопалимая; все то во святомъ Сіонѣ»;—о святомъ Георгіи: «...И оттолѣ идохомъ ко адовымъ вратамъ, и видѣ врата адова. И оттолѣ поидохъ къ Діоклитіановѣ палатѣ, идѣже святаго великаго мученика Георгія Діоклитіанъ мучилъ и съ горы спущалъ на острия желѣза. Палата Діоклитіанова велика добрѣ, съ городъ невеликой; нынѣ на томъ мѣстѣ церковь Святой Георгій, и есть во церкви той цѣпь желѣзна, въ чемъ мучили его, велика, въ стѣну вдѣлана; сею цѣпью болящій знаменуются и исцѣленіе пріемлють»;—о крестномъ деревѣ: «...и отгуду поидохъ въ монастырь Иверскій, идѣже усѣчено древо Кресту Господню; то бяше мѣсто подъ престоломъ, еже знати и донынѣ», и т. д. Нашему страннику пришлось и самому потерпѣть отъ злыхъ араповъ: «...И поидохъ возлѣ Мертваго моря, и найдоша на ны злые арапове,

и возложши на мя раны довольны и оставивше мя въ полы мертва, отъидоша во свояси; азъ же, изнемогая, едва возмогохъ дойти до Саввина монастыря, на юдоль Юсафатову: и быхъ ту восемь дней и упокоиха мя святїи отцы». Наконецъ, испыталъ онъ и нападеніе морскихъ разбойниковъ. Возвращаясь изъ Іерусалима въ Константинополь моремъ, онъ былъ на Кипрѣ; оттуда они отправились на Родосъ, гдѣ видѣли родосскихъ рыцарей: «Идохомъ 500 миль, и видѣхомъ землю и горы, ихъ же есмь и въ писанїи не слышахъ; и ходихомъ по лукоморью и пристахомъ къ острову Родосу. Сей же островъ предали апостоли ко Апостольской церкви въ Римъ; ту сидитъ отъ паны римскаго мистръ великій, и всѣ у него крестоносцы, а церковные люди носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портицахъ нашиваны; и ту есть митрополитъ греческій, и епископъ, и поупъ мірянинъ.. И поидохомъ въ корабль и плыхомъ 2-ю 500 миль, и, на среди пути, найде на насъ корабль коташскій, разбойници зли, и разбиша корабль пушками, аки дивїи звѣріе, и разсѣкоша нашего корабельника на части, и ввергоша въ море и взяша яже въ нашемъ кораблѣ. Меня же убогаго ударили конейнымъ ратовищемъ въ грудь, и глаголюще ми: калугере, поне дуката кърса, еже зовется: деньга золотая. Азъ же заклинахся Богомъ живымъ, Богомъ вышнимъ, что нѣтъ у меня; они же взяша мшеленъ мой весь, меня же убогаго во единомъ сукманцѣ оставиша; а сами скачуще по кораблю, яко дивїи звѣріе, блнстающесе коньи своими и мечи, и

саблями, и топоры широкими. Мню азъ, грѣшный Зосима, яко воздуху устрашиться отъ нихъ. Паки взыдоша на корабль свой и отъидоша въ море». Въ Константинополѣ нашъ странникъ прозимовалъ, а затѣмъ, говоритъ онъ, «донесе мя Богъ русскія земли града своего, милостию его, и всѣхъ Іерусалимскихъ мѣсть»²⁷.

Указывали на легковѣріе Зосимы²⁸, что онъ слишкомъ довѣрчиво относился къ тому, что ему рассказывали и показывали «суевѣрные или хитрые греки» (сѣкира Ноева, которою Ной дѣлалъ ковчегъ, трапеза Авраамова, камень, изъ котораго Моисей источилъ воду, и т. п.), по почти всѣ чудеса, какія видѣлъ Зосима, видѣли и его предшественники, начиная съ игумена Даниїла, и точно такъ же имъ вѣрили. Указывали также, что иногда онъ прямо заимствовалъ у игумена Даниїла; но если Зосима повторялъ иногда цѣлыя фразы изъ Паломника Даниїла (напримѣръ въ началѣ и въ концѣ), то не только потому, что у него не доставало книжническаго искусства, но и просто потому, что такое списыванье было общимъ обычаемъ.

Чтобы закончить съ паломниками этого періода, надо упомянуть объ одномъ памятникѣ, которому дали на-

²⁷ Странствіе Зосимы напечатано было въ первый разъ П. М. Строевымъ въ Русскомъ Зрителѣ 1828, VII — VIII, по Толстовскому списку Публ. Библіотеки; затѣмъ у Сахарова (имѣвшаго въ рукахъ три списка), тамъ же; наконецъ въ изданіяхъ Палестинскаго Общества: Хоженіе инока Зосимы. 1419—1422 гг., съ рисунками, подъ ред. Х. М. Лопарева, Сиб. 1889. Прав. Палест. Сборникъ, вып. 24.

²⁸ Шевыревъ, Исторія русской словесности, ч. IV. М. 1860, стр. 87.

звание: Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопамяностяхъ Цареграда; онъ нашелся въ сборникѣ ХVII вѣка, который недавно приобрѣтенъ былъ Ѳ. М. Истоминымъ въ его странствіяхъ въ Олонецкомъ краѣ. Въ олонцкой рукописи (какъ и въ двухъ другихъ отыскавшихся спискахъ этой статьи) заглавія недостаетъ, но статья представляетъ бесѣду какого-то царя съ какимъ-то епископомъ, предметомъ которой служитъ душеспасительность паломничества, подтверждаемая примѣрами, а именно описаніями цареградскихъ святынь; самая Бесѣда служитъ какъ бы рамкой для обыкновеннаго Паломника. Необычная форма можетъ навести на мысль, что Бесѣда была взята или переведена съ какого-нибудь греческаго образца, но самыя описанія святынь, по мнѣнію издателя этого памятника, составляютъ русское сочиненіе, такъ что въ ихъ авторѣ мы имѣли бы еще одного русскаго странника по Святымъ Мѣстамъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Главнымъ основаніемъ считать это описаніе Цареграда русскимъ сочиненіемъ служитъ то, что, при упоминаніи одной иконы Божіей Матери въ Софійскомъ храмѣ замѣчено, что «та икона посылала мастера на Кіевъ ставить церковь въ Печерѣ ко Святому Антонію и Θεодосію», — извѣстіе, которое могло быть интересно только русскому человѣку: легенда дѣйствительно находится въ Печерскомъ Патерикѣ, съ тою разницею, что по Патерику эта икона была не въ Святой Софіи, а во Влахернѣ. Съ другой стороны это извѣстіе могло бы быть простой прибавкой русскаго книж-

ника, и памятникъ могъ быть и переводомъ греческаго путеводителя ²⁹.

Составленіе исторической части «Бесѣды» относятся ко времени около 1300 года, такъ что о господствѣ латинянъ въ Константинополѣ (которое продолжалось съ 1204 по 1261 годъ), говорится какъ о фактѣ еще памятномъ. Полагаютъ съ другой стороны, что путеводитель, заключающійся въ Бесѣдѣ, былъ извѣстенъ Стефану Новгородцу и Зосимѣ, которые имъ пользовались. Что послѣдующіе странники пользовались своими предшественниками, это понятно и естественно; но примѣры, приведенные въ доказательство заимствованій Зосимы, не совсѣмъ убѣдительны ³⁰, и напримѣръ Зосима, говоря о памятникѣ Юстиніана, даетъ ему совсѣмъ иное толкованіе; и если Зосима спуталъ сказаніе о жабѣ, очищавшей улицы при Львѣ Премудромъ, то слова его не взяты изъ Бесѣды. Притомъ Зосима такъ долго пробылъ въ Константинополѣ, что ему не было надобности непременно только списывать чужой путеводитель.

Такъ складывался въ половинѣ XV вѣка составъ нашей паломнической литературы. Какъ мы видѣли, въ ли-

²⁹ «Бесѣда» издана по тремъ рукописямъ (все однако неполныя) Л. Н. Майковымъ: Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Спб. 1890. Отзывъ объ этомъ изданіи, Г. Дестуниса, въ Журналѣ мн. просв. 1890, сент., стр. 233—269. Подтвержденіе предположеній г. Майкова о времени составленія исторической части «Бесѣды»—въ замѣткѣ И. Е. Троицкаго, «Византійскій Временникъ». 1894, т. I, вып. 1, стр. 167—172.

³⁰ Матеріалы и изслѣдованія, стр. 37—38.

тературномъ отношеніи она не представляетъ особенныхъ красотъ стиля; какъ многія подобныя произведенія средне-вѣковой западной литературы, это почти только путеводители, и ихъ топографическія указанія сопровождаются лишь выраженіями благочестиваго чувства, ссылками и намеками на легенды. Лучшимъ остается старѣйшее произведеніе этого рода, Паломникъ игумена Даниїла. Но эта литература остается важной по своему значенію для исторіи быта и народныхъ понятій: она заключаетъ любопытныя данныя для опредѣленія древняго благочестія и народно-церковной легенды. Приходится жалѣть, что наши паломники не дали о послѣдней больше подробностей, — мы безъ сомнѣнія имѣли-бы чрезвычайно любопытныя указанія о распространеніи народной легенды, какъ она сложилась, напримѣръ, въ духовныхъ стихахъ. Вѣроятно, они предполагали достаточно извѣстными тѣ факты, какіе могла сообщить библейская и евангельская исторія, литература житій, а съ другой стороны обширная литература сказаній апокрифическихъ: извѣстно, что каноническая несостоятельность этихъ послѣднихъ не мѣшала ихъ распространенію въ средѣ самихъ лицъ высшей іерархіи. Для изслѣдователей народной легенды, какъ она выразилась въ старой письменности и въ современномъ преданіи, эти паломники являются важнымъ указателемъ присутствія легенды въ данномъ періодѣ съ тѣми или другими ея чертами ³¹.

³¹ См., напримѣръ, Разысканія въ области духовнаго стиха, Веселовскаго: объ игуменѣ Даниїлѣ—II, стр. 33—35; III, 12, 13,

Съ половины XV вѣка въ нашемъ паломничествѣ какъ будто совершается переломъ. Уже раньше мы видѣли въ разсказахъ паломниковъ жалобы и негодованіе на «срацынъ» и „злыхъ араповъ“; одни держатъ на откупѣ палестинскія святыни, другіе грабятъ и убиваютъ путниковъ по дорогѣ; на морѣ нападаютъ пираты. Взятіе Константинополя турками окончательно предало христіанскія святыни Востока во власть невѣрныхъ: Царьградъ былъ совсѣмъ закрытъ для христіанскаго поклоненія; это была столица невѣрныхъ; Святая Софія стала мечетью; много изъ древнихъ святынь должно было окончательно погибнуть; къ тому немногому, что могло уцѣлѣть, — и неизвѣстно было, уцѣлѣло ли что-нибудь, — доступъ былъ невозможенъ... Въ то же время у русскихъ людей возникало, и съ теченіемъ времени все сильнѣе разрасталось, представленіе о великомъ могуществѣ ихъ отечества, которое оставалось единственнымъ православнымъ царствомъ: ему предстояло верховное господство въ православномъ мірѣ; самый Востокъ, въ сознаніи своего глубокаго порабощенія, политическаго и нравственнаго, начинаетъ искать помощи въ русскомъ царствѣ и возлагать на

15; VI—X, 417 и др.; объ архіепископѣ Антоніи—II, 31; Игнатіи Смольнянинѣ—II, стр. 79; III, 13, 15, 16; о Зосимѣ—II, стр. 35; III, 17; VI—X, 377 и др. О камнѣ Алатырѣ, который, по взгляду Веселовскаго, примыкаетъ именно къ апокрифамъ о Сіонскихъ святыняхъ—III, стр. 1, 23—25 и пр.; о пупѣ земли, находящемся въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія—III, стр. 43; о крестномъ деревѣ и проч. О паломничествѣ Василя Буслевича — у Веселовскаго, въ изслѣдованіи о камнѣ Алатырѣ; у Жданова: Русскій былевой эпосъ и пр.

него послѣднія надежды. У русскихъ людей появлялась мысль, которая развивалась потомъ въ XVI и XVII столѣтіи, что въ предѣлахъ русскаго царства хранится и самое чистое преданіе восточнаго православія: греки были слабы въ вѣрѣ; предъ паденіемъ Константинополя они готовы были вступить въ союзъ съ тою самою латиною, которую въ прежніе вѣка сами предавали осужденію и проклинали; готовы были на унію, которая была равносильна отступничеству. Теперь подъ турецкою властью греческая церковь была несвободна, а въ русской церкви, давно уже фактически независимой, въ концѣ концовъ учреждено было патріаршество, при которомъ уже нельзя было видѣть на Востокѣ исключительный авторитетъ іерархіи. Была наконецъ еще причина, ослаблявшая русское паломничество на Востокъ, и дѣйствию которой становится особенно замѣтно къ тому же времени, къ половинѣ XV вѣка. Это было великое размноженіе собственной русской святыни. Уже издавна религіозная ревность создавала эти святыни въ Кіевѣ, Новгородѣ, на сѣверовостокѣ, святыни, которыя становились патріотическимъ символомъ и въ этомъ смыслѣ совершали большое нравственное дѣйствию. Съ того времени, когда политическій центръ перешелъ на сѣверовостокъ и послѣ Суздаля, Владиміра, Твери окончательно установился въ Москвѣ, рядомъ съ политическимъ подъемомъ шелъ своего рода подъемъ церковный—обширное распространеніе обителей, которыя славились своими подвижниками и начинали все больше привлекать поклонниковъ. Извѣстно,

что въ этой иноческой средѣ, хотя удаленной отъ мірской суеты, отразилось политическое броженіе времени: многіе изъ этихъ подвижниковъ были именно приверженцами Москвы и нравственно не мало содѣйствовали укрѣпленію единовластія. вмѣстѣ съ образованіемъ новаго авторитета являлось сознаніе его нравственной самобытности. Если въ прежнее время благочестивые люди мечтали о посѣщеніи Святыхъ мѣстъ востока, то теперь мы встрѣчаемся уже съ другимъ настроеніемъ. Ученикъ и біографъ Сергія Радонежскаго, Епифаній Премудрый, въ началѣ XV вѣка ставитъ ему въ особенную похвалу, что онъ не дѣлалъ этихъ страствій (какъ дѣлалъ ихъ самъ Епифаній), но находилъ святость во внутреннемъ исканіи Бога ³². Нѣсколько позднѣе Пахомій-Сербинъ въ житіи того же Сергія (около 1440) въ особенности указывалъ на то, что русскій великій подвижникъ «возсіялъ не отъ Іерусалима или Сіона», а именно воспиталъ свое благочестіе «въ великой русской землѣ». Такимъ образомъ для русскихъ людей находились уже

³² Не взыска царьствующаго града, ни Святыхъ горы, или Іерусалима, яко же азъ окаянный и лишанныи разума; увы люте мнѣ! пользаа сѣмо и овамо, и преплаваа суду и овуду, и отъ мѣста на мѣсто преходя; но не хождааше тако преподобный, но въ млчаніи добрѣ сѣдѣше и себѣ внимаше; ни по многымъ мѣстомъ, ни по далнимъ странамъ хождааше, но во единомъ мѣсте живяше и Бога въспѣвааше: не искаше бо суетныхъ и стропотныхъ вѣщій, пже не требѣ ему бысть, но паче всего взыска единого истиннаго Бога, иже чимъ есть душа снасти. (Житіе... Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ. Архив. Леониды. Спб. 1885, стр. 159).

дома пути благочестія и предметы поклоненія: въ каждомъ краѣ были свои святыя, чудотворцы, слава которыхъ была близка, были знаменитые храмы и иконы, распространялась своя домашняя легенда... Такимъ образомъ и независимо отъ того, что съ завоеваніемъ Константинополя была закрыта или погибла цареградская святыня, еще болѣе затрудненъ былъ путь въ Святую Землю, паломничество на Востокъ ослабѣвало и отъ другихъ внутреннихъ причинъ ³³.

Цареградская святыня и вообще святыни Востока издавна привлекали благочестивое любопытство. Первое выраженіе изумленія и восторга отъ Царьграда находится уже въ лѣтописной легендѣ о выборѣ вѣрѣ княземъ Владиміромъ; Святая Софія, по примѣру константинопольской, строится въ Кіевѣ и Новгородѣ; построеніе храма въ Печерскомъ монастырѣ совершается при чудесномъ вмѣшательствѣ Влахернской Богоматери, которая прислала изъ Царьграда зодчихъ и живописцевъ, и самый планъ церкви былъ начертанъ на небѣ. Царьградъ, гдѣ былъ престолъ патріарха, которому подчинена была русская церковь, Царьградъ, котораго святыни и чудеса искусства отказывались исчислять русскіе паломники, былъ въ глазахъ русскихъ людей великой столицей христіанства, и какъ нѣкогда отсюда почерпалось убѣжденіе въ величій православія, такъ послѣ сомнѣніе въ вѣрности самихъ грековъ этому православію послужило къ укрѣпленію

³³ Ср. замѣчанія Майкова: Матеріалы и изслѣдованія, стр. 44 и далѣе.

мысли, что третьимъ Римомъ стала Москва и главою православія стала Святая Русь. Понятенъ поэтому религиозный восторгъ, съ какимъ наши старые паломники осматривали Царьградъ, заключавшій столько необычайныхъ святынь. Извѣстія о Царьградѣ находимы были также въ хронографахъ, и византійская исторія вообще была въ памяти книжниковъ, насколько они знали эту исторію. Свѣдѣнія эти были однако невелики. Хронографъ не давалъ обстоятельной исторіи Византіи за послѣдніе вѣка, и только изрѣдка въ русской письменности являлись самостоятельные рассказы о событіяхъ греческой исторіи. Такова была любопытная повѣсть о взятіи Царяграда латинами, занесенная въ лѣтопись, или другая повѣсть, существующая въ различныхъ редакціяхъ, также внесенная въ лѣтопись и которая рассказывала объ основаніи Царяграда, а затѣмъ о взятіи его турками. Первая приписывалась нѣкоторыми тому же автору описанія Царяграда, архіепископу Антонію, который около того времени, а можетъ быть и въ это время былъ въ Константинополѣ; вторая была составлена очевидцемъ и по рассказамъ очевидцевъ ³⁴.

³⁴ Повѣсть о Царьградѣ находится, напримѣръ, во второй Софійской лѣтописи, въ лѣтописи Густынской и пр.; переводъ на современный языкъ (но безъ окончанія, заключающаго ироническія сравненія русскихъ внутреннихъ порядковъ съ турецкими) сдѣланъ былъ Срезневскимъ съ историческими примѣчаніями: Повѣсть о Царьградѣ. Спб. 1855 (изъ Ученыхъ записокъ русскаго отдѣленія Академіи). Другое краткое сказаніе о взятіи Царьграда турками, изъ рукописи XVI вѣка, въ Изборникѣ Андрея Попова. М. 1869, стр. 87 — 91. Далѣе: Сказанія о Царьградѣ по древнимъ рукописямъ, изданныя подъ

Въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя, мы встрѣчаемъ только два путешествія къ Святымъ Мѣстамъ: гостя Василія, въ 1465 — 1466 годахъ, и священноинока Варсонофія. Откуда былъ родомъ гость Василій, неизвѣстно: что цѣлью его было именно паломничество, видно изъ первыхъ строкъ его разсказа³⁵. Но гость Василій ни словомъ не упоминаетъ о Царьградѣ; свое путешествіе онъ начинаетъ прямо съ Брусы:

«А се наше хоженіе отъ Бурсы ко Іерусалиму и къ морю; день 2 до Нишары мѣсто, торги великыи. Градъ Колнокоу стоитъ между каменныхъ горъ, на единомъ на

редакцію В. Яковлева. Сиб. 1868. Чрезвычайно любопытнымъ открытіемъ была повидимому старѣйшая редакція подробной повѣсти, съ послѣсловіемъ, гдѣ авторъ-очевидецъ называетъ себя невольнымъ потурченцомъ и говоритъ, что хотѣлъ передать христіанамъ объ этомъ преужасномъ и предивномъ Божіемъ изволеніи, желая, чтобы всемогущая Троица снова приобщила его своему стаду: Повѣсть о Царьградѣ (его основаніи и взятіи турками въ 1453 году) Нестора-Искандера XV вѣка. (По рукописи Троице-Сергіевой лавры нач. XVI вѣка, № 773). Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. Сиб. 1886 (изд. Общ. любит. древней письменности). Разборъ памятника, Г. Дестуниса, въ Журналѣ мин. нар. просв. 1887, Февр., стр. 366 — 383. Въ рукописи (по снимку) авторъ пишетъ свое имя: Несторъ Искиндѣрь. Въ подробной повѣсти о взятіи Царяграда итальянскія имена переданы по греческому произношенію, напримѣръ: Зустунѣя—Giustiniāni, Зеновія—Genova (Генуя); въ краткой повѣсти у Андрея Попова: Іустіанъ, Генуя.

³⁵ «Въ лѣто 6974 хоженіе нѣкогого гостя при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичи всеа Руси Московскомъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ рабъ Божій многогрѣшныи Василей, и подвизахся видѣти Святыхъ мѣсть и градовъ, и сподоби мя Богъ видѣти и поклонихся Святымъ мѣстомъ, за молитвъ Святыхъ отецъ нашихъ, Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь».

камени, родится шафранъ, 6 дней ходу. Градъ Мурдоу-лукъ, 7 день ходу. Градъ Поли 8 днѣи ходу. Градъ Тоусъ много арменъ, а крестіанъ мало ³⁶ и турковъ, 14 день ходу»... И такъ идетъ все описаніе путешествія, лишь иногда съ самыми краткими замѣчаніями, стоитъ ли городъ на горѣ или въ полѣ, какія въ немъ стѣны, сколько воротъ и сколько градусовъ въ одномъ градѣ («единъ во единѣмъ»), какіе торги, бани, кермасераи (караванъ-сераи), какъ проведена вода и т. п. Обыкновенно въ большихъ городахъ онъ хвалитъ хорошія бани и «торги велики», отмѣчаетъ, какъ изъ рѣки проведена вода наверхъ большими колесами, много ли христіанъ и турокъ; также кратко отмѣчаетъ, гдѣ въ городахъ Малой Азіи и Палестины есть какая святыня: показанія впрочемъ часто не точны, и издатель его повѣствованія, архимандритъ Леонидъ, много разъ долженъ былъ дѣлать къ нимъ отмѣтку: «ошибочно». На первый разъ гость Василій проѣхалъ изъ Малой Азіи мимо Іерусалима въ «градъ Египеть», какъ наши паломники называли Каиръ, и уже оттуда онъ попалъ въ Іерусалимъ.

Вотъ, на примѣръ, описаніе города Алепа: «Градъ Халяпъ великъ зѣло, въ полѣ чистѣ видѣти его за три дни, а гора сыпана вельми высоко, да отъ самага долу стѣны градныя, мурованы каменіемъ, да входъ и выходъ единными враты, да мостъ великъ, да конецъ мосту того стрѣльница высока, да двой враты желѣзныя скрозъ ея, да верху ея бой, да среди мосту того такова же стрѣль-

³⁶ Армянъ онъ не считаетъ христіанами.

ница веліа зѣло; да пониже градскія стѣны изо рва того стрѣльницы выводныа часты вельми, вкругъ всего града, и входы въ нихъ потайныа изъ града, да что мостъ изъ града чрезъ ровъ между стрѣльницъ тѣхъ, какъ градская стѣна и съ брамами. Да той градъ круголь, да во рвѣ томъ, вкругъ всего града того, рѣка велика приводна и глубока, рыбы въ ней многое множество; да вкругъ града того большій градъ, множество торговъ и бань хорошихъ». До «града Египта» нашъ путешественникъ ѣхалъ сто дней. Въ описаніи его какое-то преувеличеніе: «Египетъ градъ вельми великъ, а въ немъ 14 тысящъ улицъ, да во всякой улицѣ по двоа врата и по двѣ стрѣльницы, да по два стража, которыа зажигають масло на свѣщницѣ, да въ иныхъ улицахъ домовъ по 15 тысячь, а въ иныхъ улицахъ до 18 тысячь дворовъ, да на всякой улицы по торгу по великому, а улица съ улицей не знается, опроче великихъ людей». Въ области Іерусалима и въ самомъ святомъ городѣ онъ конечно отмѣчалъ всѣ встрѣчавшіяся святыни: онъ видѣлъ и ясли, и «гдѣ звѣзда стала», и мѣсто, гдѣ встрѣтили Христа жены мироносицы, и столбъ, гдѣ Христа мучили, и мѣсто, гдѣ Пилать умылъ руки передъ народомъ, и «то мѣсто, гдѣ Христа распяли и гора разсѣдеса отъ страха Его, и изыде кровь и вода отъ Адамовы главы: оттуда сндохомъ, гдѣ лежала глава Адамова, и поклонихомся ту»; видѣлъ: «среди церкви большія пупъ земли, и ту приде Христось со ученики своими и рече: содѣла спасеніе посреди земли»; и въ церкви Пречистой: «на правѣ у олтаря, близъ царскихъ

дверей, то мѣсто, гдѣ Христосъ вывелъ Адама и Еву и весь родъ христіанскій». Наконецъ видѣлъ «Пречистыи келлію, тутъ же Іоанна Богослова келлія, тутъ же гдѣ сидѣла со Христомъ Господомъ нашимъ. И ту камень, что ангелъ Господень принеслъ отъ Синайской горы, и ту близъ гробъ Св. мученика Стефана, и ту была церковь Сіонъ, святая святымъ церквамъ».

Обратный путь гость Василій сдѣлалъ опять къ Бурсѣ, т. е. къ Бруссѣ, но другой дорогой, гдѣ между прочимъ онъ проходилъ черезъ Антиохію: «Антея... стоитъ на семи горахъ, да семь стѣнъ его, да рѣка сквозь его течетъ велика, да черезъ рѣку ту учиненъ мостъ великы, на многихъ восходехъ каменныхъ, а стѣнъ у мосту того четыре, аки градскія каменные, а врата среди мосту того желѣзныя, да стрѣльницы велики, а на ихъ бои многы: да внутри града того каменіе, какъ хоромы збиваны скобами желѣзными, да заливаны оловомъ. А средь града того церковь Святая Софія, а величествомъ со цариградскую Софію, да въ ней не поютъ. А подобіемъ градъ той, аки Царьградъ, а *скончался*, былъ царскій градъ, нынѣ держать его срацины». Путь изъ Бруссы домой опять не указанъ, какъ и прежде ³⁷.

Гость Василій былъ человекъ мірской, но его рассказъ отличается отъ рассказовъ лицъ духовныхъ развѣ тѣмъ, что, идя сухимъ путемъ, онъ съ купеческимъ любопыт-

³⁷ Твореніе Василія въ первый разъ издано было архим. Леонидомъ: Хоженіе гостя Василья. Спб. 1884. Прав. Палестинскій Сборникъ, вып. 6.

ствомъ отмѣчалъ великіе торги и кермасераи; въ описаніи Святыхъ Мѣсть онъ даетъ такую же номенклатуру съ тѣмъ же запасомъ апокрифическихъ познаній. Въ этихъ разсказахъ мы вполне стоимъ на той почвѣ, на которой создавались духовные стихи и въ особенности стихъ о Голубиной книгѣ.

Книжная судьба Хожденія священноинока Варсонофія напоминаетъ о той случайности, какая господствовала надъ памятниками нашей древней литературы. Какъ хожденіе арх. Агреѳенія въ XIV вѣкѣ, такъ и хожденіе Варсонофія въ половинѣ XVI-го, сохранились каждое въ единственномъ экземплярѣ, и послѣднее было открыто лишь въ самое недавнее время (въ 1893 г.) покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ. Въ Маѣ того же года онъ сдѣлалъ сообщеніе объ этомъ памятникѣ въ Славянской комиссіи Московскаго Археологическаго общества и намѣренъ былъ приготовить его изданіе для Палестинскаго общества. Онъ не успѣлъ этого сдѣлать и теперь хожденіе Варсонофія явилось въ изданіи Палестинскаго общества подъ редакціей С. О. Долгова.

Священноинокъ Варсонофій совершилъ два раза путешествіе на Востокъ, первое въ 1456 году и второе въ 1461—1462. Первое изъ нихъ озаглавлено: Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, милостіею Божіею и Пречистыя Богоматери хожденіе странническое смиреннаго священнаго инока Варсонофія ко Святому граду Іерусалиму. По окончаніи этого разсказа въ рукописи помѣщено другое повѣствованіе

того же Варсонофія: Сотворихъ другое путешествіе ко святому граду Ерусалиму по шти лѣтехъ прихода моего на Русь (въ сущности, онъ отправился черезъ пять лѣтъ послѣ перваго путешествія, и шесть лѣтъ истекло, когда онъ уже вернулся), — но конца этого втораго путешествія въ рукописи недостаетъ.

Разсказъ, по обычаю, начинается перечисленіемъ мѣстъ, какими Варсонофій пришелъ съ родины въ Іерусалимъ, лишь съ самыми краткими замѣтками о видѣнномъ на пути. «И поидохъ, — прямо начинается онъ, — отъ Кіева къ Бѣлуграду, и отъ Бѣлаграда ко Царюграду, отъ Царяграда поидохъ (къ) Криту, отъ Крита идохъ къ Родусу и отъ Родуса идохъ къ Кипру, и отъ Кипра идохъ въ Сурѣю ко граду Ладокѣи (Лаодикеѣ), отъ Ладокѣи идохъ во Триполь, и отъ Триполя идохъ къ Беруту, и видѣхъ же мѣсто, идѣже порази Святый Егорей злаво зміа, ядущаго люди. Отъ града Берута есть вдали яко едина миля, на востокъ лицемъ, лимень Бѣлаго моря, яко озерина круга, и въ той лимень течеть рѣка со востока по великимъ долинамъ, и тутожь былъ змѣй и его же порази копіемъ Святый Егорей. Тутожь есть близко рѣки, лимени морскаго, церковь во имя Святаго Егоргія на горѣ; идохъ ко церкви Святаго Егоргія, и молитву сотворихъ къ Богу и ко пречистой Богоматери и ко Святому страстотерциу Егоргію. Поидохъ же отъ Берута къ Дамаску, и въ Дамасцѣ пребылъ двѣ недѣли, идохъ ко святому граду Іерусалиму. Отъ Дамаска идучи видѣхъ многая Святая мѣста, и грады, и веси, и видѣхъ Тивиріянское море, и

Геньсаритское озеро, и Ерданскую рѣку, и Фаворскую гору»...

Обстоятельное описаніе начинается съ Іерусалима. Общее настроеніе Варсонофія конечно таково, какъ у всѣхъ вообще паломниковъ стараго времени, но онъ отличается, быть можетъ, еще большею внимательностью въ наблюденіи, и его комментаторы находятъ у него въ особенности много указаній, важныхъ для исторической топографіи святынь Палестины въ XV столѣтіи. Такой комментарий къ первому хожденію далъ Тихонравовъ; еще болѣе подробныя объясненія ко второму хожденію сдѣланы г. Долговымъ. Тихонравовъ замѣчалъ о первомъ хожденіи, что оно дошло до насъ въ необработанномъ видѣ и нѣсколько спутанномъ спискѣ. Писаніе Варсонофія осталось неотдѣланнымъ и потому сохраняетъ свѣжесть и, такъ сказать, теплоту впечатлѣнія. Варсонофій описывалъ то, что видѣлъ, для себя, а не для назиданія читателей, какъ Даніиль паломникъ. Поэтому онъ не пускается въ историческія подробности, не приводитъ длинныхъ выписокъ изъ Св. писанія и апокрифическихъ евангелій, не пускается въ символическое сопоставленіе мѣстностей. Записки Варсонофія лежатъ передъ нами въ сыромъ, не обработанномъ литературно видѣ. Такіе наброски, несомнѣнно, составляли канву и Даніила паломника. Непосредственность неукрашеннаго разсказа составляетъ особенное достоинство наблюдательнаго и добросовѣстнаго іеромонаха.

Въ Іерусалимѣ онъ внимательно осмотрѣлъ святыни города и окрестностей, какъ и прежніе паломники все

вымѣривая и сосчитывая, и между прочимъ сообщаетъ не мало подробностей, какихъ нѣтъ у другихъ русскихъ паломниковъ.

Быть можетъ, еще замѣчательнѣе второе путешествіе Варсонофія, описаніе котораго осталось въ извѣстной теперь рукописи неоконченнымъ. На этотъ разъ онъ началъ путешествіе опять отъ Кіева. «И поидохъ отъ богоспасаемаго града Кіева въ землю Волоскую, заведемо Малодатская земля. Есть бо рѣка велика, течеть отъ Угорскія земли отъ горъ высокихъ, имя рѣки Молдава, и течеть въ рѣку во Сереть, подъ Романовымъ Торгомъ, и по той рѣки зовется земля Молдоветская. И видѣхъ грады многи и веси земли тоя». Обычное равнодушіе паломниковъ къ тому, что не было искомой ими святыней, оказалось здѣсь: Варсонофій только перечисляетъ мѣста, какія онъ проходилъ, и, какъ видимъ, самое названіе молдавской земли на нѣсколькихъ строкахъ пишетъ разно. «Оттолѣ,—продолжаетъ онъ,—поидохъ къ Бѣлуграду, и отъ Бѣлаграда идохъ къ Византію въ Константинополѣ, и отъ Византія идохъ ко Холиполи, и оттолѣ идохъ къ Криту» и т. д. На этотъ разъ Варсонофій направился въ Іерусалимъ черезъ Египетъ и Синайскую гору. Съ Крита онъ отправился на Родосъ, Кипръ и оттуда «во Деміета (Даміетта) въ землю Суринскую (?), и отъ Деміятъ идохъ по рѣци по Нилу въ верхъ ко Египту... Градъ же Египетъ» (извѣстно что у старыхъ книжниковъ это есть Каиръ) «стоитъ великій на ровнѣ мѣсти подъ горою; подъ него же течеть рѣка изъ раю, златоструйный

Нилъ, и другое имя рѣци Геонъ. И поперекъ града есть двѣ мили, а въ длину двѣнадцать миль. И видѣхъ же лютаго звѣря»... Какой это былъ звѣрь, осталось неизвѣстно, какъ вообще старые паломники почти никогда не говорили объ особенностяхъ природы, какую видѣли въ этихъ незнакомыхъ имъ странахъ, съ одной стороны, потому что все вниманіе было поглощено святынями, а вѣроятно также и потому, что они не умѣли отдать себѣ отчета въ невиданномъ зрѣлищѣ новой природы и новыхъ людей. Варсонофій сдѣлалъ еще только одно замѣчаніе объ египетской природѣ: онъ видѣлъ финиковыя пальмы, растущія около «святой воды», и замѣчаетъ: «видѣхъ же древеся, на нихъ же растеть медь дивій, и иныхъ древесъ много видѣхъ, ихъ же имена не свѣмъ». Но онъ въ другой разъ говорить еще о Нилѣ: «великая жъ рѣка, златоструйный Нилъ, течеть отъ полуденныя страны на полунощъ, въ Бѣлое море, подѣ Деміаты».

Но за то онъ не пропускаетъ въ градѣ Египтѣ никакой церкви, монастыря или другой мѣстности, съ которою связаны какія-либо священныя воспоминанія. И съ перваго вступленія въ градъ Египеть онъ окруженъ этими святынями. Около города за полъ-трети мили есть святая вода, куда пришелъ изъ Іерусалима Христосъ и Пречистая Его Матерь и хранитель его Іосифъ; а на сѣверъ отъ города есть мѣсто святое, гдѣ обиталъ Господь, скрываясь отъ Ирода царя, и тутъ есть святой виноградъ, однажды въ году источающій миро, которое относятъ къ царю египетскому; и тутъ же есть камень

аспидный, на которомъ сидѣлъ Христосъ, и изъ мраморнаго камня устроена купель (Ердань) со святою водою; и тамъ же древо сикоморія, въ которомъ скрылся Христосъ отъ воиновъ Ирода царя. Варсонофій рассказываетъ: «Идохъ же до тоя святыя воды, и цѣловахъ святыи камень, на немъ же Господь препочиваше, и пивъ святую воду, искупахся во Іерданѣ, иже ряжена отъ каменія, вода же та вся тепла есть и сладка; и ходихъ же во виноградъ, идѣже святое лозіе, и даша ми срачини едину лозу, страже винограда того, и цѣловаше смоковницу, идѣже Господь былъ, и уломи вѣтку отъ нея». И въ самомъ градѣ Египтѣ есть святое мѣсто, гдѣ обиталъ Христосъ и Его Матерь и хранитель Іосифъ, и на томъ мѣстѣ стоитъ великая церковь; а за рѣкою Ниломъ есть житницы Іосифа Прекраснаго. Отпраздновавъ въ Египтѣ оба великіе праздника, Рождество и Крещеніе, Варсонофій пошелъ на Синайскую гору: «Бѣ бо многъ караванъ собрався: десять тысящъ велеблюдовъ и людей много; идохомъ 15 дней, путешествуя отъ Египта до Синайскія горы и до горы Хоривскія, великія и высокія». По словамъ комментатора второго хожденія Варсонофія, въ этомъ показаніи о численности каравана нѣтъ преувеличенія: другіе путешественники совершали этотъ путь въ подобномъ многочисленномъ обществѣ; нѣмецкій путешественникъ Баумгартенъ въ 1507 году пишетъ, что на дорогѣ въ Синай изъ Каира онъ присоединился къ двумъ попутнымъ караванамъ, почему число всѣхъ вмѣстѣ настолько умножилось, что походило болѣе на многочислен-

ную армию, состоящую изъ нѣсколькихъ тысячъ людей и верблюдовъ. Варсонофій, какъ мы видѣли, шелъ пятнадцать дней; другіе путешественники тѣхъ вѣковъ дѣлали этотъ путь вообще въ десять—пятнадцать дней; въ семнадцатомъ столѣтіи Василій Гагара опредѣляетъ этотъ путь «8 днищъ со выюки, а наскоро 6 днищъ».

По обыкновению Варсонофій ничего не говоритъ о способѣ путешествія и о видѣнномъ по дорогѣ; онъ прямо приступаетъ къ разсказу о синайскихъ святыняхъ: прежде всего обошелъ самыя горы — восходилъ на вершину Синая, который называетъ горою Хоривскою, потомъ на гору Св. Екатерины и на «высокую гору Синайскую, на ней же стоя Святый Моисій и видѣвъ Неопалимую купину». Послѣ того онъ описываетъ храмы Синайскаго монастыря и церкви внѣ его, а затѣмъ говоритъ о мѣстоположеніи и устройствѣ монастыря. Разсказъ переплетается легендами: такъ онъ передаетъ библейское сказаніе о Неопалимой купинѣ съ легендарнымъ дополненіемъ, сказаніе объ открытіи мощей Св. Екатерины на одной изъ Синайскихъ вершинъ, записанное, видимо, по мѣстнымъ разсказамъ.

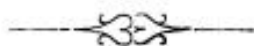
«Надо отмѣтить, — говоритъ комментаторъ, — что Варсонофій былъ первымъ изъ русскихъ паломниковъ-писателей, описавшихъ Св. гору Синайскую. Послѣ него изъ паломниковъ до-петровской Руси посѣтили и описали Синай только Позняковъ съ Коробейниковымъ и Василій Гагара; но описаніе Варсонофія, по точности и по обилію приводимыхъ свѣдѣній, далеко оставляетъ эти по-

свѣдѣнія. Описанія западныхъ католическихъ путешественниковъ, минуя древнѣйшія, могутъ быть привлекаемы для сравненія только въ частностяхъ, а не вообще; такъ какъ западные паломники имѣли исключительную цѣль — посещение Св. горъ Синая, поклоненіе мощамъ св. Екатерины, то они мало обращали вниманія на самый монастырь Синайскій, даже останавливались въ особыхъ кельяхъ, при которыхъ до XVI в. была и особая церковь. Изъ греческихъ описаній Синая самое древнее, Епифанія, очень кратко, поверхностно, да и очень отдалено отъ эпохи Варсонофія, такъ что не можетъ быть привлечено для повѣрки и сравненія; описаніе Даніила Ефесскаго (между 1493 и 1499 гг.), кромѣ того, что позднѣе, значительно короче Варсонофіева и не такъ детально. Подробныя описанія греческія изъ извѣстныхъ всѣ значительно позднѣе: Паисій Агіапостолитъ описалъ Синай между 1577 и 1592 годами, описаніе патр. александрійскаго Герасима появилось только въ концѣ XVII или началѣ XVIII вѣка и послужило основаніемъ для позднѣйшихъ описаній Синая — нашего Василя Барскаго и изданнаго Н. Глики въ Венеціи въ 1817 г.; Барскій почти цѣликомъ перевелъ и включилъ описаніе патр. Герасима въ своихъ Странствованіяхъ. Изъ приведеннаго обзора видно, насколько важными должны считаться свѣдѣнія, приводимыя такимъ обстоятельнымъ паломникомъ, каковъ былъ нашъ Варсонофій, писателемъ, сообщавшимъ только то, что самъ видѣлъ или слышалъ на мѣстѣ»³⁸.

³⁸ Докладъ Тихонравова: Хожденіе во Святую Землю въ 1456

Кто былъ и гдѣ дѣйствовалъ священноинокъ Варсонофій, изъ его сочиненія не видно. Судя по тому, что каждый разъ онъ начинаетъ описаніе путешествія отъ Кіева, можно думать, что онъ происходилъ если не изъ Кіева, то изъ области, тяготѣвшей къ Кіеву; въ языкѣ его разсказа сказывается сѣверо-западный говоръ, на примѣръ, смоленскій или полоцкій, и разстоянія онъ измѣряетъ не верстами, а милями. По предположенію Д. Θ. Кобеко, это могъ быть тотъ Варсонофій, который впоследствии упоминается въ лѣтописи, какъ владычній духовникъ; а именно въ 1471 г., по смерти новгородскаго архіепископа Іоны, по новгородскому обычаю составлено было вѣче и на престолъ Св. Софіи положено три жребія; въ числѣ ихъ былъ жребій съ именемъ Варсонофія; выборъ палъ тогда на Теофила. Могло быть, что совершеніе двухъ хожденій ко Святымъ мѣстамъ повліяло на избраніе его въ духовники архіепископомъ Іоной, такъ какъ паломничество уважалось въ Новгородѣ и два новгородскихъ архіепископа, Антоній (ум. 1232) и Василій (ум. 1352), совершали странствія ко Святымъ Мѣстамъ. Это предположеніе можетъ подтверждаться біографической замѣткой, которая нашлась въ бумагахъ Тихонравова и была извлечена имъ изъ одной рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ Спб. Духовной Ака-
 году». М. 1893, 9 стр. (оттискъ изъ Археол. изв. и зам. 1893, № 11).
 Замѣтка Д. Θ. Кобеко въ Сообщеніяхъ Прав. Палестинскаго Общества, 1895, Октябрь. Изданіе: Хожденіе священноинкока Варсонофія ко Святому граду Іерусалиму въ 1456 и 1461 — 1462 гг. Подъ ред. С. О. Долгова. М. 1896. Прав. Палестинскій Сборникъ, вып. 45.

деміи). Въ этой замѣткѣ Варсонофій названъ митрополичьимъ духовникомъ: онъ былъ игуменомъ въ Полоцкѣ, въ Бѣльчицкомъ монастырѣ, а послѣ него игуменомъ былъ здѣсь его ученикъ Іоакимъ, впоследствии Смоленскій владыка. Возможно, что возвратившись изъ второго хожденія, Варсонофій былъ избранъ на игуменство на Бѣльчицѣ, а затѣмъ переведенъ въ Новгородъ.

ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ

	стр.
1. Аѳонъ	4
2. Русскіе паломники	9
3. Паломникъ (западный)	13
4. Паломникъ (православный)	15
5. Даниилъ передъ королемъ Балдуиномъ	18
6. Іерусалимъ	25
7. Голгоѳа	26
8. Придѣлъ Св. Елены	27
9. Схожденіе благодатнаго огня	28
10. Константинополь	29
11. Рѣка Донъ	44
12. Синопъ	46
13. Камень миропомазанія	46
14. Неби Даудъ на Сіонѣ	47
15. Крестный монастырь	53
16. Турки	53
17. Островъ Родосъ	54
18. Греки.	55
19. Великая церковь въ Кіевской лаврѣ	62
20. Матарія	72
21. Синайскій монастырь	74

40-й вып. Русскіе паломники Святой Земли. Іерусалимъ и его	Коп.
ближайшія окрестности (и). Его-же.	15

Для членовъ Общества дѣлается—20% и для книгопродавцевъ—30% уступки.

Подробный каталогъ изданій Общества высылается желающимъ бесплатно.

Складъ изданій находится въ Канцеляріи Общества: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. № 36.

...и ... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

2009